

Андрей Дашков

Венец творения

Часть первая

Суперанимал

Пролог

Дуэль на ледяном кладбище

Это было ритуальное место, огороженное торосами и обледеневшими скалами. Сюда пришли двое, а уйдет только один — иначе зачем вообще нужны дуэли.

Уже был приготовлен и наполнен водой разборный металлический контейнер. От него шел пар; вода просачивалась сквозь щели и стекала на лед. Вокруг контейнера суетились суггесторы из похоронной команды. Вода остывала быстро, и никто не хотел затягивать время.

Оба дуэлянта понимали, в каком месте находятся и то, что один обретет здесь вечный покой. Несмотря на поспешность, с которой работали подручные, происходящее отдавало мрачной торжественностью. Мужчины были равно готовы умереть или жить. По их суровым лицам ничего нельзя было прочесть.

Пока не настала решающая секунда, младший

равнодушно смотрел на неизменно темный горизонт. Он собирался идти дальше на запад, если останется жив. Ничто, кроме смерти, не могло прервать его путешествие. Тут была чужая территория, на которую он вторгся, и все заканчивалось так, как и должно было закончиться.

Старший опустил голову, глядя вниз — туда, где подо льдом лежали замороженные обнаженные мертвецы из его рода. Их лица были обращены к небу. Руки все еще держали оружие. Кое-кто демонстрировал застывшую улыбку. У некоторых были открыты глаза... Они неплохо сохранились, хотя кладбище было достаточно старым, и будто наблюдали за происходящим из глубины своей прозрачной могилы. Он не мог разочаровать тех, кто передавал код от отца к сыну. Судьба преследовала их всех, а теперь настигла последнего.

Ледяные параллелепипеды соприкасались гранями, образуя многослойное захоронение. Этажи чередовались в соответствии с возрастом поколений. Таким образом прошлое приобретало вертикальную протяженность.

* * *

...После того как прогремели выстрелы, смертельно раненный старик сумел произнести

только одну фразу. Он поблагодарил врага за то, что ученик превзошел учителя. Цепь преемственности не порвалась. И сбылось его желание умереть здесь. Он спокойно передал свою душу следующему.

Суггесторы сразу же раздели труп и погрузили его в воду вместе с оружием. Мастер церемонии зафиксировал точное исполнение завещания. Спустя еще два часа контейнер разобрали, и очередная ледяная глыба заняла предназначенное ей место в вечной мерзлоте.

Одиночка, который пробирался на запад, к тому времени был уже далеко.

1

Руины

Он все-таки нашел этот город, затерянный посреди остывшей преисподней. Теперь тут прозябало не больше сотни людей, а когда-то обитали миллионы. Озирая величественные развалины, Локи презрительно улыбался. Среди зданий, выгоревших изнутри и превратившихся в памятники ужасу, он убедился в том, что лично ему чертовски повезло. Немногим выпала честь жить после того, как Господь затеял генеральную уборку. Вообще-то старик поздновато спохватился — планетка оказалась загаженной до невозможности.

Пришлось пригласить компашку профессиональных чистильщиков из ада. Те знали свое дело и справились быстро. Кое-кто считал, что они даже слегка перестарались, но было поздно.

А потом настала эпоха таких, как Локи.

Больше не существовало бесчисленных и безликих толп. Каждый был заметен. От каждого зависело многое — если, конечно, не прятать голову в пепел и не ждать, пока придут суперанималы или суггесторы и отберут последнее.

Локи сам не раз отбирал последнее и знал, что подавляющая часть людей никогда не изменится. Во тьме, в глотке вечной зимы, миты по-прежнему будут мечтать о теплых домах, крыше над головой, сытной пище; мужчины — о женщинах, а женщины — о мужчинах и детях. Супраменталы грезили о более отвлеченном: мирной жизни, демократии, справедливости, музыке, свободном смехе, чистых реках, живых деревьях и — подумать только! — о солнце. Такие простые и понятные мечты. Наивные и абсолютно несбыточные...

Но не все разделяют их. И если отбираешь последнее, то надо быть готовым к отчаянному сопротивлению. Иногда намеченные жертвы проявляли редкое мужество, изворотливость и быстроту. Локи это не удивляло и даже доставляло удовольствие. Еще один скрытый суперанимал вылуплялся из рудиментарной скорлупы

цивилизovanности и становился на путь войны. Отныне и до конца — одиночка.

* * *

...Локи шел по закованной в лед и присыпанной снегом земле. Он отлично видел в темноте. Потрясающей красоты зарницы далеких гроз вспыхивали и переливались над умирающим миром. Огни ramпы, бессмысленно мерцающие под упавшим занавесом из облаков. На их фоне изломанный силуэт города казался абсолютно чуждым и враждебным образованием, колонией призраков, местом мрачных чудес, которые необходимо преодолеть, чтобы объявить себя хозяином территории. Город бросал вызов одним лишь фактом своего существования.

Локи шел, не обращая особого внимания на порывистый ледяной ветер, дувший навстречу. Снежные вихри проносились мимо, швыряя льдинки в лицо. Это было похоже на игру, которую затеяло безумное дитя. Именно так Локи воспринимал природу: дефективный ребенок, который уже никогда не станет взрослым, потому что радиация разрушила мозг. Зима никогда не кончится. Лед никогда не растает. Шерсть никогда не поредет на теле Локи — разве что поседеет, как у всех тех, кто сумел дожить до старости.

Холод, господствовавший снаружи, не проникал глубоко. Локи чувствовал, как под грубой кожей бурлит горячая кровь. Лучшая приправа к свежему мясу. Большому зверю нужно много парного мяса. Оно давало энергию и силу, но это не значит, что он не мог без него обойтись. Случались голодные периоды, когда Локи месяцами вынужденно сидел на скудной диете, питаясь солониной и консервами. Под конец он ощущал себя прозрачным до святости. Интерес к жизни угасал, а женщина поставила бы его перед трудным выбором: каким образом ее употребить.

По мере его продвижения слепые руины вырастали, заслоня большую часть неба. В хаосе завалов просматривалась некая искусственность. По обе стороны громоздились сваленные в три этажа автомобили. Локи оценил этот гигантский труд. Кто-то использовал кузова, чтобы оставить для чужаков единственную узкую и относительно проходимую тропу. Судя по отсутствию запахов, уже заброшенную. Пока Локи не чуял непосредственной опасности. Ловушек и мин не было. Он сделал вывод, что город давно никто не посещал; по крайней мере, никто не пытался войти с юго-востока.

Тем лучше. Он без труда преодолевал препятствия. Голод, который он испытывал в последние часы, был именно таким, как надо: кнут

доброго хозяина, заставляющий ленивую скотину двигаться во имя ее же спасения. На месте сломанного левого клыка пока не успел отрасти новый, но у Локи было кое-что получше: Громобой в кобуре и Тихая Фрида в ножнах. Та еще парочка...

Итак, готов ко всему. В тяжелые времена «все» представляло собой довольно длинный список. Но у многих в этом списке не хватало только одного, зато главного пункта. Локи получил важнейший урок в шестнадцатилетнем возрасте, когда чудом выжил после тяжелого ранения. В бреду ему открылось нечто, радикально изменившее его жизнь. И жизнь приобрела небывалую остроту.

С тех пор каждую секунду Локи готовился к смерти. Она стала его религией. Он видел множество ее масок: чаще — злобных и отвратительных, но иногда — ласковых и снисходительных. Он знал, что у смерти длинные руки и дальность стрельбы из снайперской винтовки совсем не предел.

Кроме той, которую посылали друг другу люди, у смерти была еще одна, мистическая ипостась — Та, Что Приходит Сама По Себе. Это была самая страшная разновидность — на нее никак нельзя было повлиять. От человека ничего не зависело — по крайней мере на тех уровнях

реальности, в которые он мог проникать и контролировать.

Локи были доступны три уровня. Он слышал о суперанимале по кличке Дракон, который освоил перемещения во времени на четвертом и частичные превращения на пятом. Трудно было даже представить проявления таких свойств... Но все это могли быть и сказки митов, которыми те пугали самих себя и своих глупых детенышей в озаренных кострами железобетонных пещерах.

Локи не раз присутствовал на подобных сборищах. Он прикидывался изгнанником, странником, заблудившимся правительственным (!) курьером — и получал место возле огня, пищу и воду в виде растопленного льда. Миты были так доверчивы и, кажется, ни хрена не чуяли! Смерть, дышавшая в затылок каждому, ничему их не научила. Они сидели вокруг огня и слушали сказки. Ночь тянулась долго, неопределенно долго — люди не двигались с места до тех пор, пока голод не произносил свое веское слово. Тогда немногочисленные и плохо вооруженные группы митов, трясущихся от холода и страха, выходили из убежищ на поиски пищи и того, чем можно было бы подкормить чахнувший огонь.

Локи уходил вслед за ними, но не возвращался. Иногда он собирал дань. Иногда впрыскивал семя суперанимала в какую-нибудь

понравившуюся ему самку, чаще всего девственницу. Вряд ли потомство окажется жизнеспособным, но Локи рассчитывал на то, что рано или поздно сработают законы вероятности и количество перейдет в качество. Это была одна из главных задач самцов его вида — оплодотворить как можно больше самок в почти безнадежном поиске идеальной Носительницы Программы. Королевы.

Но если однажды он все-таки найдет такую, то станет преданнейшим телохранителем возле ее ложа-колыбели, в любой момент готовым на самопожертвование. Их потомство достигнет эволюционного потолка. И тогда Земля покажется всего лишь старым склепом, в котором создавались существа новой расы. Для этих уже не будет преград. Время, расстояния, гравитация, энергия — все покорится им. Они смогут творить материю из вакуума и менять тела с такой же легкостью, с какой сейчас меняют одежду. А затем достигнут полного освобождения, окончательно разрушив оковы плоти...

Локи примерно знал, что представляет собой ПРОГРАММА. Впрочем, и это могло оказаться красивым мифом, придуманным для того, чтобы поддерживать впавшую в кому надежду.

Юные боги будущего взамен одряхлевших и свергнутых богов прошлого? Плевать он хотел и на

тех, и на других. Слепая вера в чужое незыблемое превосходство оскорбляла его. Он верил только в себя — как в одного из хозяев, поделивших этот мир на зоны влияния. И когда-нибудь чье-то влияние станет тотальным...

Самое смешное о себе Локи услышал как-то из уст одного умирающего супраментала. Тот зачем-то вручил своему убийце амулет — серебряный крест — и сказал, что Локи напоминает ему древнего странствующего рыцаря, который поклоняется идеалу, но потерял душу, совершив все смертные грехи. Потерянной душе неведомы угрызения. А раз их нет, значит, нет и сожалений.

Счастливчик Локи не знал по-настоящему, что такое грех, вина и искупление. Это были абстракции, для которых у него не находилось эмоций. Поэтому он смеялся, когда другие плакали, и поднимался на недостижимую высоту.

2

Цветок из книги

Лили сидела возле костра и смотрела, как маленький Кеша играет с засушенным цветком. Незадолго до этого она вытащила цветок из старой книги. Оба предмета чудом сохранились и передавались от человека к человеку, словно величайшие реликвии. Как фотографии мертвых.

Как символы веры. Как огонь.

Огонь, книга, засушенный цветок... Эти вещи поддерживали жизнь, готовую угаснуть в любой момент. Такие простые, хрупкие и недолговечные вещи. Они стали бесценными лишь по недоразумению. Книга и цветок могли сгореть в пламени. Бумагу когда-то делали из древесины. Огонь тоже пожирал дерево. Так совершался вечный круговорот, в котором одно гибнет, а другое рождается и приходит на смену мертвому.

Лили еще не осознала своего места на этой ужасающей безжалостной карусели. А Кеша тем более. Он напоминал ей забавного, сосредоточенного и немного неуклюжего медвежонка. Но цветок он брал бережно своими пухлыми пальчиками — и значит, кое-что впитывается с молоком матери. Никто не объяснял ему ценности цветка. Собственно, это была даже не игра. Скорее нечто вроде постижения утраченного мира. Малыш не видел зеленых полей, живых цветов и порхающих над ними бабочек. Он не видел и многого другого. В лучшем случае остались мумии или изуродованные свидетельства прошлого великолепия, которые позволяли кое-что ПРЕДСТАВИТЬ.

Но что мог представить себе четырехлетний мальчик, глядя на кости, сухие цветы, оплавленные пуговицы?..

Кеша держал цветок и боялся даже дышать на него. И так почти все лепестки облетели. Страницы книги сохранились немного лучше. Она называлась «Собиратель костей». Лили не читала ее Кеше. Вместо этого она сама придумывала истории со счастливым концом, которые рассказывала ребенку перед сном.

Лили не была настоящей матерью мальчика. Та погибла примерно год назад — замерзла, попав в снежную бурю. Ее нашли только на четвертые сутки — статую, для которой даже не надо было выдалбливать могилу в вечной мерзлоте...

Кеша сам выбрал себе новую маму. Он особенно привязался к Лили, которую иногда оставляли нянчиться с четырьмя чужими малышами, хотя ей едва исполнилось шестнадцать. И теперь она чувствовала, что не может, не имеет права его бросить.

Она рассеянно перелистывала книгу, которую знала почти наизусть. Неудивительно — ведь читать больше было нечего. Из-за отсутствия новых впечатлений Лили была близко знакома с недетской тоской. Ее фантазии скрашивали долгие часы вынужденного ожидания. Дядя Рой научил ее грамоте, когда она была чуть постарше Кеша. Но мальчик способнее и быстро развивается. Порой ей казалось, что даже слишком быстро... Скоро и она займется его образованием — это позволит

отломить еще кусочек от темной глыбы времени, придавившей ее.

Кеша отличался изрядной сообразительностью и подвижным умом, но порой впадал в странный ступор, погружался в себя и подолгу сидел с отсутствующим видом, словно пребывал где-то очень далеко. В такие минуты Лили не на шутку пугалась. Ей казалось, что в глазах мальчика можно увидеть тень другого, гораздо более взрослого, но бессловесного существа. Существа, с которым невозможно найти общий язык, потому что такого языка просто не существует...

Между прочим, книга тоже была о конце света. Вернее, о человеке, стоящем у конца времен. Но насколько же страшнее и хуже оказалась реальность! Юная Лили уже поняла, что так всегда и бывает.

Книга и цветок сменили семерых хозяев. Теперь они принадлежали старому Лео. Он еще помнил прежнюю жизнь. Тогда он был мороженщиком. Подумать только: продавал детишкам замороженное молоко и фруктовые соки! Стояли жаркие денечки, и парочки валялись на траве. В парк приходили буколические бабульки и кормили лебедей, плававших в пруду, а голуби садились на спину старого коня, которого звали Бен. Жизнь текла своим чередом, и у Лео дела шли

неплохо. Он продавал мороженое, и часто под вечер на всех желающих не хватало порций. Эта маленькая, но очень злая шутка судьбы наложила на его воспоминания неизгладимый отпечаток.

Но вообще-то Лео был добрым стариком и давал книгу с цветком любому, кто хотел прикоснуться к старине и не боялся расстроиться. Он намекал, что книга таит в себе волшебство и однажды цветок ОЖИВЕТ.

Лили знала, что это сказка для отчаявшихся, но иногда ей действительно снилось, как цветок оживает... Она просыпалась со слезами на глазах и не могла вспомнить оттенков сновидения; оставалось только ощущение тепла, света, тихой нежной музыки, не существовавшей наяву, и любви, сиявшей будто маленькое солнце. Его лучи касались закрытых глаз — и слепые прозревали, и черные сердца начинали кровоточить, и земля оттаивала, выпуская на волю зеленые ростки...

Что касается огня, то он принадлежал всем. Он горел в Пещере сколько Лили себя помнила. Иногда совсем тускло, перебегая от лучины к лучине; иногда — по праздникам — так ярко, что становились различимыми самые дальние закоулки укрытия.

* * *

...Внезапно Лили осознала, что Кеша ведет себя слишком спокойно. Повернула голову — так и есть. То же необъяснимое состояние отрешенности, тот же взгляд, устремленный во внутренний космос. Тени, скользящие в зрачках... Восковое лицо... Замедленное, почти незаметное дыхание... Цветок неподвижно лежал на его ладони.

И вдруг мальчик сказал:

— Он уже близко.

— Кто? — спросила Лили, у которой отчего-то пересохло в горле.

— Бабай. Бабай уже близко, — сказал Кеша удивительно печально.

От его обреченного вида у Лили защемило сердце. Она схватила мальчика на руки и начала его целовать, приговаривая:

— Ну что ты, глупенький. Бабай не придет. Бабай приходит только к плохим деткам, а Кеша хороший...

Слеза скатилась по его щеке. Он не сопротивлялся. Такая теплая и ласковая мама... Он положил ей голову на плечо. Он не хотел ее огорчать, не хотел видеть, как она плачет. Их соединял незримый поток. Он чувствовал ее нарастающий страх, как свой собственный. Можно было отгородиться от источника страха непроницаемой стеной. Спрятаться... на время.

Кеша закрыл глаза. Но напоследок прошептал

так тихо, что Лили не услышала:

— Бабай придет ко всем.

3

Мертвый ангел

Несмотря на молодость, у Локи был обширный опыт. Он предполагал, что приручить аборигенов будет непросто. Обычно на это уходили дни и недели. Случалось, правда, что он освобождался всего за несколько минут. Точку в неудавшихся переговорах ставил Громобой. Окончательно и бесповоротно. После него редко оставалась работа даже для Тихой Фриды.

Но такие эпизоды Локи считал своими откровенными провалами. Этот город он искал слишком долго, рисковал слишком многим — и многое потерял по пути. Так что на сей раз он не собирался ошибаться.

Поэтому он заранее присматривал себе место, где можно было бы устроить временное пристанище. На первый взгляд, проблем с жилплощадью не возникало — вымерший город предоставлял огромный выбор. Но Локи отличался специфическим вкусом. Он не был избалован, нет. На худой конец, он мог бы переночевать и в снегу, что и проделывал неоднократно. Однако миты с их примитивными умишками напрямую связывали

качество логова и статус его владельца. Следовало поддерживать это заблуждение, раз уж он хочет добиться от них повиновения и преклонения.

На глаза долго не попадалось ничего подходящего. Поразмыслив, он отверг чудом уцелевшую башню, которая торчала из развалин, словно черный восставший фаллос, перфорированный узкими бойницами. Грозная башня впечатляла одной своей высотой — она господствовала над окружающим пейзажем, возносясь метров на пятьдесят и напрямую воплощая идею превосходства. Но Локи правильно рассудил, что сооружение, по всей видимости, держится на соплях, а каждый раз совершать опасные и трудные восхождения ради сомнительного удовольствия наблюдать за ползающими внизу дикарями было бы глупейшей тратой времени и жизненной энергии.

Вскоре подвернулась другая крайность — зияющие пасти подземных гаражей, наполовину занесенные снегом. Излюбленные места престарелых суперанималов, которых тянуло на покой. Те устраивали себе надежные логова в подобных норах, превращая их в удобные для обороны катакомбы с несколькими хорошо замаскированными запасными выходами. Однако, на взгляд Локи, это слишком уж смахивало на добровольные преждевременные похороны. Нет, он

пока не торопился залечь под землю. Ночь, распахнутая на все четыре стороны, и ледяные просторы все еще манили его. Их беззвучный зов он ощущал постоянно, и единственным ответом могло быть движение. Бездействие и застой порождали неизъяснимую мучительную тоску. И если движение невозможно, тогда оставалось одно «лекарство» — вой. Долгий протяжный вой. Куда более жуткий, чем тоскливые песни митов. И даже волки замолкали...

Некоторое время Локи внимательно присматривался к зданию с шестью колоннами на фасаде и настолько мощными стенами, что оно устояло после взрывов, до основания разрушивших соседние дома. Лишь кое-где провалилась крыша. Над колоннами сохранилось рельефное изображение — что-то вроде герба со звездой, солнцем и колосьями. Наверняка имелся и подземный этаж. Гранитный цоколь смахивал на крепостной вал. Было видно, что строили на века.

Не иначе тут располагалось гнездышко прежних властителей. Так почему бы не поддержать традицию? Страх перед властью неистребим, он засел слишком глубоко, отпечатался в генах митов и передается из поколения в поколение.

Однако кажущийся парадокс состоял в том, что Локи вовсе не желал возвращения прежнего

порядка и возрождения цивилизации мягкотелых кретинов, впусую растративших достояние предков, не сумевших распорядиться невиданной мощью и скатившихся до массового самоубийства.

Город демонстрировал ему среду обитания, которую Локи воспринимал как воплощенный кошмар. Он живо представил себе тысячные толпы, не знавшие, куда себя деть; миллионы машин, отравлявших воздух; непрерывную шумовую пытку; бессмысленные войны и террор, а для тех, кому «повезло», — расписанные до гроба дни и ночи.

Да, по всем канонам, то была тупиковая ветвь. Локи всерьез считал себя одним из первых представителей нового вида, куда более приспособленного к жизни на искалеченной планете. Сколько времени потребуется, чтобы залечить раны? Может быть, тысяча лет, — но некоторые шрамы не затянутся никогда.

Миты уже смирились с этим, как с Божьей карой, проклятием, посланным на их головы и души. Супраменталы считали, что люди отброшены назад, но путь к вечному свету все равно открыт для всех и для каждого. Суперанималы вообще не занимались чепухой. Они не думали о будущем. Они вытравливали его из настоящего. Они просто делали все возможное, чтобы выжить и занять господствующее положение.

И это им удалось.

* * *

...Итак, цитадель рухнувшего порядка Локи оставил позади. Он исследовал несколько извилистых улиц, посмотрел на опоры, вмерзшие в гладкий синеватый лед, который обозначал русло реки, — вот и все, что служило напоминанием о двухсотметровом мосте. На другом берегу картина была такой же: черно-серый пористый шлак, голые остовы, безжизненный мусор, лед, снег — и нигде ни единого огонька.

Или миты хорошенько попрятались, или передохли, или... их тут не было.

Локи подумал, не ошибся ли Гарик-шаман из колонии суггесторов, рассказавший ему про город. Гарик был болтлив, подобострастен и назойлив. Локи отказался от его услуг в качестве проводника и заодно наложника, однако любопытную историю дослушал до конца.

По словам Гарика выходило, что здешнее поголовье митов достигало восьмидесяти единиц (из них подавляющая часть — половозрелые особи) и значит, можно было основать целую ферму. Вообще-то, к информации подобного рода Локи относился осторожно — трудно поверить, что никто из суперов еще не положил глаз на такое

местечко. А где глаз, там и лапы. А в лапах чаще всего — игрушки вроде Громобоя.

Локи никогда не избегал борьбы с достойным или превосходящим по силе противником. Более того, ему это нравилось. Искусственный отбор в действии. Пусть и снижается численность расы, зато все происходит быстро: одно-два поколения — и останутся лучшие из лучших. Генофонд. Производители. Поставщики семени для Королевы. (Правда, в последние месяцы Локи не встречал никого, кто сумел бы оказать ему серьезное сопротивление.)

...Эх, Гарик, Гарик. Если он обманул Локи насчет митов, то больше уже не сможет обманывать. Локи знал как минимум три отличных рецепта приготовления блюд из человеческого языка. У Гарика язык был ярко-розовым, мясистым. И длинным, как положено шаману... Деликатес, который частично компенсирует моральный ущерб. Жаль только потраченного впустую времени...

Но тут Локи, чей взгляд блуждал, внимательно изучая незнакомый ландшафт, заметил ЭТО.

* * *

Он замер будто замороженный. Не каждый день увидишь сбитого ангела смерти. По правде

говоря, до этого момента Локи видел их всего дважды и оба раза издали. А сейчас ничто не мешало приблизиться и даже прикоснуться к металлическому телу ангела — самому совершенному и быстрому орудию уничтожения.

Локи испытывал невероятное возбуждение. Гораздо более интенсивное, чем сексуальное. Это была вибрация силы, поднимавшейся по стволу позвоночника от крестца до головы и темным фонтаном бившей в небеса. Фонтан достигал невидимых далеких звезд, о которых сохранились только легенды. В ту минуту Локи вдруг «узрел» звезды внутренним взором — это было видение, открывшееся у него на ином уровне жизни. Огромные сгустки энергии перетекали в непостижимо устроенной Вселенной. Потоки, воронки, источники... Миры создавались и рушились прямо «на глазах». Это напоминало танец чьего-то невероятного воображения, и Локи тоже принял в нем участие. Вымя божественной природы, набухшее молоком вечности, внезапно оказалось осязаемым и реальным; Локи припал к нему, отхлебнул магического напитка, понял, что запредельность существует... а потом все прошло.

И снова были холод и лед, и промерзшая на метры в глубину земля, и скованный на берегу падший ангел. Стало ясно, как именно он падал. Ему повезло. Он не взорвался и не развалился на

куски, врезавшись в землю под большим углом. Наверное, был пуст. Кончилось и топливо, и крылатые ракеты. Может, он не дотянул до аэродрома, но скорее всего к тому времени аэродром уже оказался уничтожен ответными ударами, и возвращаться было некуда. Вероятно, ангел совершал что-то вроде аварийной посадки — тоже, впрочем, закончившейся гибелью. Экипаж до последнего цеплялся за жизнь, но ангел выполнил свое предназначение...

По пути он снес несколько десятков зданий, оставил за собой широкую просеку, обломал гигантские крылья и замер на пляже, погрузившись в воду до половины.

ТОГДА здесь была вода — в этом Локи не сомневался. Возможно даже, веселые и ни о чем не подозревавшие миты загорали под голубым куполом в солнечный день. Дети смеялись и с разбегу прыгали в воду... Или была теплая лунная ночь, и нагие любовники лежали на прибрежном песке, окутанные серебристым сиянием, и Млечный Путь благословлял их соитие. Девушка хотела стать женщиной и зачать новую жизнь, а парень думал, что вот это, наверное, и есть счастье. Но потом они услышали прощальную песню ангела — ГОЛОС С НЕБА. Низкий, ноющий, страшный звук...

Локи попытался представить себе, что они чувствовали в ту минуту, и не смог. Воистину,

ангел поразил его.

Локи шел к нему не меньше часа. Он дважды останавливался, чтобы удержать эти неповторимые мгновения, запечатлеть и сохранить их, упрятать в темницу своего мозга. Когда понадобится, он сумеет вспомнить, извлечь оттуда непередаваемый восторг перед призраком вечности, пойманном в крылатую металлическую ловушку.

С высокого берега, в кровавых отсветах зарниц, мертвый ангел смерти был великолепен. Он напоминал вмерзшее в лед распятие и одновременно — доисторическое существо, тщетно пытавшееся выбраться из холодного ада.

4

Дядя Рой

Многолетняя усталость была словно лишний вес, груз, к которому он привык, но она всякий раз наваливалась внезапно, когда Рой переступал некий порог выносливости. И тогда ему казалось, что он тащит на плечах еще одного человека. Мертвеца в свинцовых ботинках. Своего отца, умершего восемь лет назад.

И гроб вдобавок.

И клеймо непрощенного.

В этом случае оставалось только лечь и ждать, пока в теле снова появятся силы. Но Рой не всегда

мог позволить себе эту роскошь — лечь и ждать. Вне Пещеры подобный «отдых» означал почти верную гибель. Вот как сейчас, когда бушует буря и ничего не разберешь в двух шагах. Только грязно-белый вихрь кружит, царапая лицо ледяным абразивом. И ветер бьет, будто тяжелая прозрачная дверь...

Рой проклинал себя за самонадеянность. Ведь это он разрешил поисковой группе задержаться, хотя признаки приближавшейся бури были очевидны. Но уж очень заманчивой и богатой казалась сегодняшняя добыча. Оставалось только извлечь ее из глубокого колодца, служившего прежде вентиляционной шахтой метрополитена. Наверное, кто-то устроил склад и хорошенько припрятал свое добро еще в ту пору, когда в городе шли бои между враждующими бандами и было полно голодного зверья. В прямом и переносном смысле.

Рой помнил минувшие времена. Ничего не скажешь, веселые были денечки. Не то что теперь... Им всем, уцелевшим, еще повезло, что бомба оказалась «чистой». Литиевая роковая красotka. А о прелестях радиоактивных осадков уже не расскажут те, другие, пришедшие из зараженных районов и умершие в самом начале «ядерной зимы»...

Он нашел это место, возвращаясь из безрезультатной дальней разведки. Вероятно, у него

действительно был счастливый глаз. Люди всегда звали его с собой — на удачу. Но он просто физически не мог быть со всеми одновременно. Те, которых он привел к шахте, были согласны рискнуть. Да что там рискнуть — они рвались туда, в глубину, на самое дно колодца. Там лежало сокровище, способное продлить жизнь.

У них было с собой все необходимое — веревки, лестницы, топоры. Успеет, решил он. И просчитался. А человек, которого избрали мэром на третий срок, не имеет права на ошибку. Хочешь сам подохнуть — пожалуйста. У нас свободная... страна, чуть не подумал Рой. Сразу и слова не подберешь. Пусть будет зона. Свободная зона. Из петли, вероятно, вынут, а вот отправиться на свидание с Дедом Морозом не помешает никто...

Но если ты отвечаешь за других людей, то обязан быть трезвым и дальновидным. Последствия малейшей неосторожности могут оказаться катастрофическими. Впрочем, это были издержки старого мышления. Чтобы убедиться, достаточно посмотреть вокруг: что может быть катастрофичнее этой голой окоченевшей задницы величиной с планету!

В результате буря настигла их примерно на половине обратного пути. Они нагрузились под завязку и не могли двигаться быстро. Рой приказал бросить все — консервы, пачки с солью, канистры,

дрова — и любой ценой пробираться к Пещере. Пережить бурю бессмысленно — она могла продлиться не одни сутки.

Но как бросишь еду, которую держишь в руках, если при этом не ел два дня? Буря кажется просто очередной неприятностью, бесформенным зверем, отбирающим пищу. В сугробы полетели покрышки, бревна, мотки проволоки, но только не консервы. Сам Рой с сожалением расстался с двадцатикилограммовой связкой досок. Искал ориентир, чтобы вернуться за ними, если выживет, но так и не нашел. Развалины проступали сквозь снежную завесу однообразной грядой, окружавшей со всех сторон. Рой побрел вслепую, ведя в связке за собой пятнадцать человек.

...Длинные прочные дубовые доски скорее всего пропадут. Уже никто не отроет их. Отчего-то он вдруг подумал, что из них можно было бы сколотить отличный крест. Но некому приносить искупительную жертву. Что испытал Иисус, когда нес на Голгофу орудие своей казни? Ему было ЖАРКО, вот это точно...

Путаются мысли. Черт с ними, с досками. Что они такое, в конце концов? Огонь сожрет их за пару часов. Значит, доски имеют вполне конкретный эквивалент. Два часа жизни. Много это или мало? *«О чем ты думаешь, дурак? Может, ты ходишь по кругу?»*

Буря замечает следы быстрее, чем высыхают детские слезы. Шаг, еще шаг... Веревка натягивается. Отчаянные рывки. Рой останавливается и оборачивается. Ни черта не видно. Крик. Кто-то упал сзади. Вся связка встала. Ближайшие помогают бедняге подняться... *«Что с ним? Если не сумеет идти, понесем. А что делать? Иисусу было труднее...»*

Ползем дальше.

Буря усиливается. Каждый шаг — прорыв сквозь мокрую простыню. И сколько их еще впереди!.. Слепец ведет слепцов. Но они-то думают, что он — зрячий. Знаменитый Рой с его гениальной интуицией и способностью находить выход из любого положения!.. Сдохнет тут, как сдохли десятки и сотни до него. А людей он погубил... На ум пришли слова старой песенки — *«пятнадцать человек на сундук мертвеца...»*. Йо-хо-хо, что там еще? Ах да — и бутылка рому... Сейчас он не отказался бы хлебнуть чего-нибудь покрепче. Спирта. Чистейшего горящего спирта... *«Не чувствую кончиков пальцев. Если отморозил — хана. И не помню, как называлась та книжка. Ну та, где пятнадцать человек... Не помню, и все... Себя, дурака, ни капли не жалко. А девочку оставлять жалко. И Грува. И Кешку. Но особенно девочку»* .

Только рядом с Лили он расслабляется, только

с нею бывает иногда самим собой. Но не до конца. Кое-что припрятано ото всех и от нее в его грязненьком тайнике...

Она будет красавицей, если выживет. Хотя какое там, к черту, будет! Она УЖЕ красавица — и что самое лучшее, не догадывается об этом. В ней нет ни грамма фальши. Когда он смотрел на нее спящую, у него щемило сердце.

Рой боялся признаться самому себе, что любит ее как женщину. Он хотел ее и не брался отличить любовь от похоти. Оставаясь с нею наедине, он сдерживался лишь ценой невероятных усилий воли. Но однажды черная волна накроет его с головой и разум захлебнется...

Это началось давно. Так давно, что он считал себя извращенной скотиной. Он надеялся, что это пройдет. Девочка выросла, но страсть не остывала, а становилась сильнее с каждым днем. Он загонял свое чувство в самую глубокую яму сердца, где оно бродило, превращаясь... Он и сам не знал, во что. Это его и пугало. Лили ни о чем не догадывалась. Тогда почему же он скрывал от нее, что... *«Стоп! Хватит о Лили. Думай о тех, кто сейчас рядом»* .

Но ведь и она всегда рядом с ним. Вот она — на внутренней стороне век. Вот ее глаза, ее улыбка, вся ее ладная фигурка... *«О Господи, если я не вернусь, она тоже умрет...»*

Добраться бы до того места, где протянуты

веревки, а дальше будет легче. ЛЕГЧЕ? Уже сейчас вина висела на нем, как неотвратимое проклятие. Тянула вниз, приказывала упасть. Ниже, ниже, еще ниже, пока не сравняешься с самыми гнусными из своих фантазий и грез...

Он все время думал не о том. А эти люди, шедшие за ним в связке, полностью доверяли ему. Что хорошего в слепой вере? Хотел бы он иметь лидера, на которого мог бы положиться!..

Что это было? Собачий лай? Нет, не может быть. Игра воображения.

Вот опять... Девочку он уже видел. Почему бы теперь не вспомнить Грува? Надежный, смысленый пес. Иногда он согревал Роя холодными ночами, но чаще Рой велел ему ложиться с маленькими детьми. Наша бегающая грелка... Сегодня он не взял с собой Грува именно по этой причине — один из малышей заболел. Но, если честно, было еще кое-что — он просто берег пса и надеялся когда-нибудь найти ему суку, пусть даже из диких. Возродить собачье племя.

Грув был ровен со всеми, кто относился к нему по-доброму, но подчинялся только Рою, которого со щенячьего возраста выбрал своим старшим братом. Иного и нельзя было ожидать от бастарда. Помесь лайки и полярного волка выглядела многообещающе. Густая теплая шерсть, сильное и выносливое тело, впечатляющие клыки.

Грув уже показал себя в схватке со стаей диких псов. Ему пришлось залечивать раны два месяца, но четверо врагов навсегда остались там, где встретились с ним.

...Лай раздался ближе, или Рою кажется? Возбужденные голоса людей подтверждают, что это не слуховая галлюцинация на почве переутомления.

Белое мелькает на белом. Живой вихрь, опережающий стихию. Пляшущие черные точки. Это, должно быть...

Так и есть! Нос и глаза Грува. Судя по обрывку веревки с измочаленным концом, болтавшемуся у него на шее, пес перегрыз ее и сам отправился на поиски.

Прыжок, натиск, порывистое дыхание. Красный горячий язык. Сильный звериный дух... Пес весит немало, а Рой слишком устал. Он валится в снег, и Грув кладет ему морду на грудь. Оттаскивать бесполезно. Если брат не встанет, он будет согревать его. Если брат умрет, Грув умрет тоже, но не сдвинется с места.

Однако это произойдет не сегодня. Еще не время... Рой отпихивает пса и встает, хотя ему кажется, что для этого надо приподнять могильную плиту толщиной с земную атмосферу. Еще ничего не кончилось. Сдаться проще всего. И приятнее, если на то пошло. Тихо уснуть в обнимку с Грувом.

Обрести наконец желанный покой. Ждать Лили на том свете. Там наверняка тепло, а в аду даже жарко. Пожалуй, он выбрал бы ад, чтобы СОГРЕТЬСЯ...

Ты раскис, сопляк, сказал он самому себе. Эгоистичная тварь. Готов утащить за собою всех? Быстрее домой, пока пес еще в состоянии найти дорогу по запаху! Вот только долго ли продержится запах в такую безумную ночь?

Но Грув — малый не пальцем деланный. Он мочился по пути, оставляя пахучие метки через каждые двадцать-тридцать шагов. Горячая моча прожигала снег на десятки сантиметров. Рой представил себе, как Грув постреливает короткими струйками, задирая лапу, и расхохотался. Ветер тут же залепил ему рот и швырнул смех обратно в глотку. Восстанавливая сбитое дыхание, Рой поплотнее закрыл меховой капюшон и очистил ото льда щель для глаз. Очень узкую, но достаточную, чтобы видеть хвост пса. Грув уверенно раздвигал широкой грудью летящие снежные завесы, изредка погружая морду в сугробы и принюхиваясь.

«Нет, но каков стервец, а? Автоматчик хренов. Научился ссать очередями с отсечкой!..»

Рой едва не упал, зацепившись за отвердевшую веревку. Вот и все. Как просто. Они дома. ДОМА! Что в этом слове? Не подлинное

ощущение уюта и защищенности, а всего лишь очередная отсрочка. Но грех жаловаться. Рой слишком вымотался, потому и одолевают мрачные мысли. Завтра будет легче. До завтра он отдохнет...

* * *

Хватаясь за веревку, Рой преодолевает оставшиеся полторы сотни шагов до Пещеры. Сегодня он привел обратно всех. Новой монете не упасть в копилку его вины. А копилка уже набита доверху. Добро, сделанное живому существу, не весит столько, на сколько затягивает одна-единственная смерть...

Со скрипом открываются тяжелые импровизированные ворота — стальные плиты, подвешенные на тросах. Наконец-то дохнуло относительно теплым воздухом, и стало видно бьющееся сердце костра. Как мало надо человеку!

Грув с достоинством принимает поцелуи детей и благодарные поглаживания взрослых. Барбара подошла и, скромно потупившись, дружески клюнула Роя в щеку. Но именно эта поддельная скромность вопила о том, что она готова на большее. Гораздо большее...

Лили бежит навстречу Рою и бросается ему в объятия. Ее гибкое тело так близко... Сладостная, почти невыносимая пытка. Кто он для нее? Дядя

Рой, мэр, стержень мироустройства. И только.

Все же он замечает тени у нее под глазами — она пережила за эту ночь слишком многое: ожидание, тревогу, страдание, безнадежность. Теперь все позади... до следующего похода. Что-то не так? Ах да, Кеша. Кеше опять приснился плохой сон про Бабая?

«Детка, прости меня, об этом расскажешь потом. Мне бы добраться до своего матраса. Можно, конечно, упасть прямо тут, но я почему-то думаю, что мэры не должны валяться посреди Пещеры. Это подрывает авторитет и снижает рейтинг. Если бы ты знала, какой высокий у меня рейтинг. А я в любой момент готов променять его на...»

Табу. Запрет. Никогда не подниму этот шлагбаум.

Пока, милая. Спокойной ночи. Нет, кушать я не буду. Я и дышу-то с трудом. Укрой меня, детка. Согрей меня своим юным телом... Нет-нет, это я не тебе...

И еще одно: я люблю тебя, Лили» .

«И я тебя тоже, ДЯДЯ РОЙ...»

5

Имена

Вблизи стало ясно, насколько сильно

поврежден бомбардировщик. Неплохо сохранилась только часть фюзеляжа в районе пилотской кабины. В других местах обшивка свисала лохмотьями, обнажая внутренние элементы конструкции. Носовой обтекатель был полностью разрушен; антенна локатора смахивала на единственное, уродливо торчащее ухо. Смятый стабилизатор косо перечеркивал горизонт, указывая на север. Будто гномон солнечных часов — еще более абсурдный от того, что никакого солнца не могло быть.

(Тело после пытки. Тело с содранной кожей...)

И все же лучшего места для временной базы Локи себе не мыслил. Свить гнездо в черепе ангела — в этом был некий эстетический момент, которого он ни за что не сумел бы выразить посредством скудных слов. И еще — переданная ему эстафета.

Но помимо смутных образов, тревоживших его душу, выбор имел и чисто практическое значение: из кабины прекрасно просматривалась окружающая местность и подходы к бомбардировщику; кроме того, защита от ветра, снега и пуль обеспечена. Возможно, внутри до сих пор находятся жмурики? Вот уж чем Локи брезговал меньше всего.

Привычным оком он прибрасывал ориентиры, составляя в уме карту: в двухстах метрах к югу — постамент над гранитной набережной, с которого

снесло памятник ударной волной (у митов прошлых времен тоже были свои идола); триста пятьдесят шагов на северо-северо-запад — покосившаяся опора линии электропередач, устоявшая лишь благодаря своей ажурности; плюс два-три ориентира помельче.

За всю жизнь Локи не видел ни единого проблеска солнца или луны. Тем не менее он без труда определял направление и стороны света. Он не нуждался в примитивных и не очень точных приборах вроде компаса. Магнитные силовые линии — кажется, так называли супраменталы тот слабый, но постоянный поток, в который был погружен его мозг с самого рождения. Отдаленной аналогией был ветер, однако для истинных ощущений Локи в человеческом языке не существовало названия.

Точно так же у него не было проблем с измерением времени. Невидимые светила кружили на сложных каруселях гравитации, а он всегда «узнавал» свое относительное положение в этом космическом механизме. Часы с вечным приводом шли не останавливаясь; ось проходила через его сознание, и нематериальные стрелки перемещались по циферблатам орбит...

Никто не сообщил ему, что его восприятие уникально. Данная особенность предоставляла дополнительную степень свободы и преимущество

над вероятным противником. Если только ею не обладали ВСЕ супера. Но Локи до сих пор не потрудился это выяснить. А как насчет митов? Вот тут-то он точно знал: в вопросах ориентирования на незнакомой местности они — полные кретины. Им достаточно хиленькой бури, чтобы заблудиться.

Легкая добыча. Жалкие создания. Либо эволюционное недоразумение, либо необходимое промежуточное звено. Эдакий генетический отстойник...

Локи склонялся к последнему варианту. Поэтому он так серьезно и тщательно готовил предстоящую операцию. Личная ферма с большим поголовьем открывала хорошие перспективы для селекции. Кроме того, нельзя упускать из виду и крайне актуальную проблему питания...

И вот он стоит рядом с бомбардировщиком. Даже поверженный и наполовину утопленный ангел был огромен. Проникнуть в пилотскую кабину оказалось непросто. Локи понадобилось на это около получаса.

Ледорубом он вырубил ступеньки в крутых скользких склонах, образовавшихся по обе стороны фюзеляжа. Когда поднялся на пару метров и стер ладонями слой налипшего на обшивку снега, то увидел на борту рисунок двуликого существа. Две головы, сросшиеся затылками. Одно лицо — красивое женское; другое — яростное мужское.

Был повод задуматься, как называли самолет те, кто летал на нем. Локи не сомневался, что за штурвалом сидел латентный суперанимал. А оружие у суперов всегда в почете — не важно, нож ли это, который помещается в рукаве, или сверхзвуковой стратегический бомбардировщик. Отношение трепетное, как к властной любовнице, которую не можешь бросить, даже если захочешь. Она знает о тебе слишком многое. Она добралась до твоей истинной сути. И только с нею испытываешь оргазм...

Да, это был настоящий культ оружия. А культ требует идолов и жертвоприношений. Есть жрецы, и есть предназначенные в жертву. Есть созданные, чтобы убивать, и это сильнее их. Та самая «любовница» крепко держит их за крутые яйца.

Например, когда Локи брал в руку Громобоя, он чувствовал одно и то же. Тень смерти падала из той запредельности, где все расписано на миллионы лет вперед, где существа заранее занесены в реестры живых и мертвых... Но он мог ИЗМЕНИТЬ все это одним движением. Зачеркнуть проклятую предопределенность. Просто НЕ ВЫСТРЕЛИТЬ.

Он один отвечал за все и не сваливал ответственность на потусторонних кукловодов. Да и не считал себя марионеткой — пусть даже нити тянулись к божеству.

А имена... Что ж, имена украшали эту игру,

делали реальность завораживающей и таинственной — будто маски, одетые на неживые предметы. Как правило, благородное личное оружие суперанималов не меняло имен и владельцев. Переименовать его — известная всем дурная примета, которая срабатывала безотказно. Так безотказно, что давно пропала охота проверять.

Но хуже всего — по глупости или неведению заполучить в «крестники» КОГО-НИБУДЬ из Проклятого Арсенала...

Поэтому обычно оружие мертвеца либо отправлялось под лед вместе с ним, либо подвергалось специальному ритуалу стирания имени.

У Локи не было этих проблем — своего Громобоя он взял прямо с армейского склада. Девственник в заводской смазке. Он будто копил силу, пролежав в бездействии не один десяток лет. Ржавчина не коснулась его. Локи окрестил свою новую пушку спустя двое суток в Алтарной норе. У нее действительно был громкий убедительный голос и соответствующий калибр.

С Фридой дело обстояло сложнее. Она попробовала его крови, когда принадлежала другому хозяину — суперу по кличке Питон. То был плохой день, который хорошо закончился. Локи все-таки отправил Питона на тот свет, а потом выдернул из раны нож. Ему показалось, что он

схватил ядовитую змею.

И несмотря на это, он еще не держал более удобного клинка. Прекрасный баланс, шероховатая рукоять, совершенный изгиб кишкодера. В этом тоже проявился вкрадчивый и коварный «характер» Фриды — она будто втиралась в доверие, прикидывалась послушной, чтобы однажды неведомо как оказаться вне ножен, и тогда новый хозяин, случайно поскользнувшись и падая, навалится на нее своим брюхом...

Мало кто решился бы оставить себе такой клинок. Но Локи принял и этот вызов судьбы. Он страстно желал исправить ее брезгливую и кислую гримасу, обращенную к нему, на улыбку. В крайнем случае, если она посмеет насмеяться над ним, — вколотить ей зубы в глотку. Но не сдаться. А для Тихой Фриды он придумал специальную узду.

У Питона была еще удавка, за что, собственно, он и получил свое прозвище, но это — штукавина для извращенцев, убивающих не по необходимости, а ради удовольствия...

Локи мог часами говорить об оружии. Это был его конек. Он безо всяких усилий запоминал истории, услышанные в разных колониях и в разные годы от самых разных людей. Смерть неизменно присутствовала в любых историях. Они все без исключения имели налет темной романтики. А чего стоили имена клинков — Золинген,

Звенящая, Хлеборезка (кто помнил вкус настоящего хлеба?), Грань, Ласка, Пиранья, Черный Лед! Огнестрельные родственнички тоже оставляли простор для фантазии: Кали (шестиствольная авиационная пушка), базука Большая Берта, Отправитель, Чистоплюй, Доктор Айболит, дробовик Фаршировщик, Бонд, винтовочный обрез Член Господень...

Среди них были свои аристократы и плебеи. Были носители легендарных свойств и те, что сами творили легенды. Некоторые имели уникальную родословную и сменили много имен и хозяев. Потеряли в чистоте, прошли огонь и воду, познали все круги ада, будто старые шлюхи, — зато приобрели универсальность и уникальную приспособляемость.

Что же касается ангела смерти, то его имя навеки останется загадкой.

6 Студент

Наката сидел в своем закутке, отгороженном пластиковыми щитами, и безуспешно пытался сосредоточиться на решении шахматной задачи. На самом же деле ему было не до шахмат. Возвращение Роя огорчило его сильнее, чем он мог предположить. Будто разодрал едва затянувшуюся

рану. Но Наката сдерживал эмоции, даже в одиночестве напяливая на себя маску невозмутимости. А уж показать их кому-либо он ни за что не решился бы. По крайней мере — пока. Приходилось считаться с тем, что мэр — личность популярная. Даже его ошибки нередко оборачивались триумфом. Вот как сейчас. Завел группу черт знает куда, едва не заблудился и не погубил пятнадцать душ, спасся только благодаря своей шавке... и на тебе — герой!

А все почему? Потому, что люди в массе своей не умеют мыслить критически и не способны на объективные оценки. Они — стадо, тупо бредущее за вожаком. Куда угодно, хоть на бойню. Наката чувствовал себя вожаком, способным вести за собой пассивную толпу, но ему не давали развернуться. Он тайно возненавидел Роя с того дня, когда проиграл на выборах мэра. За него, Накату, проголосовало смехотворное количество избирателей. Всего несколько человек. И что самое убийственное, они, кажется, сделали это из жалости. Чтобы подсластить горькую пилюлю. Накату оскорбляли их подачки.

Он почти у любого вызывал если не жалость, то сочувствие. Дал же Бог внешность! Какое мучительное несоответствие между формой и содержанием!.. Вечный студент, как назвал его однажды этот старый маразматик Лео, которому

следовало бы укоротить язык. Кличка приклеилась намертво, хотя уже мало кто представлял себе типичный облик чертовых «студентов».

В свои тридцать с хвостом Наката действительно выглядел удивительно молодо. Гладенькое безбородое личико с несколько наивным и по-детски насупленным выражением, большие очки (величайшая ценность для близорукого!), тонкая шея и потеющие (!) ладони (он частенько их потирал, когда не знал, чем занять руки). Плюс блестящая эрудиция и на первых порах — повадки отличника-выскочки, от которых теперь не осталось и следа. Наката умел мгновенно приспособливаться к меняющейся обстановке. Для солидности он пробовал отрастить усы, но получилась какая-то жалкая кисточка под носом, которую он вскоре сбрил, чтобы не позориться.

Но внутренне он был зрелым мужчиной, сомнений нет. Даже чересчур зрелым. Он с вожделием рассматривал фотографии голых красоток, которые содрал со стены в каком-то военном бункере, и чувствовал, что плоть опять восстает. То, что красотки давно превратились в пыль, не имело значения. Студент довольно часто мастурбировал, не получая настоящего удовлетворения, а лишь недолгое облегчение. И дело даже не в отсутствии баб. Он подозревал, что ни одна баба не в состоянии излечить его от

комплекса неполноценности. Только власть станет исцеляющим лекарством. Когда он получит власть хотя бы над этим сбродом, его сексуальные проблемы будут решены. А пока... Пока ему остается любоваться шоколадными красотками, на которых когда-то пялились вояки, запертые в бункере. И возбуждались. И стравливали давление всеми доступными им способами. И рвались на виртуальную войну.

Между прочим, Наката был достаточно умен, чтобы понять: у него много общего с теми опасными ребятами в погонах, подолгу сидевшими в бункере без баб и забавлявшимися своими стратегическими играми (потом они все-таки доигрались, и случилась настоящая война). Он тоже обожал игры. Любые: простые и сложные. Детские, азартные и некогда запрещенные. Компьютеры ему, конечно, и не снились, но шахматы служили неплохой заменой...

Мысли Студента снова вернулись окольным путем к бабам. Он начал машинально поглаживать свой пах и тут же ощутил ответную реакцию. Расстегнул туго обтягивающие ноги кожаные брюки, которые пошил сам (предмет его особой гордости!)... Пока за перегородкой ахали да охали, встречая вернувшихся поисковиков, Наката успел беззвучно кончить. Семя излилось на грязный пол, и он растер капли подошвой. Одним движением

приговорил к смерти тысячи сперматозоидов.

Он даже не высунулся, чтобы поздравить Роя. Мысленно он посылал мэра к черту. А вот эта сучка Барбара, которую все коротко называли Барби, не выходила у него из головы. Она сохнет по Рою, это и слепому ясно. Наката сжал зубы — значит, появился еще один повод для ненависти. Победитель забирает все. Старая истина, особенно актуальная сейчас.

Ну ничего. Студент будет терпеливо ждать своего часа. Если не свихнется от подавленных желаний. А желания у парня ого-го какие!

Он высунулся из-за ширмы, чтобы взглянуть, чем там занята Барби. Вот уж действительно пневматическая кукла! Роскошная блондинка. Ее пышные формы не первый год сводили его с ума (и, наверное, другие мужики тоже пускали слюну, но в их числе не было Роя). О, как он мечтал однажды добраться до нее — зарыться лицом в эти огромные мягкие сиськи, впиться зубами в упругие шары ягодиц, засунуть язык в ее щель и попробовать на вкус тот сок, которым она истекает, привлекая самцов...

Барби как назло проходила мимо, вихляя бедрами. Равнодушно скользнула по Студенту взглядом своих блестящих влажных фар. Ее вызывающая походка не менялась ни при каких обстоятельствах. Но когда-нибудь изменится.

Наката заставит ее подползать к нему на коленях, как это делали в старину японские женщины. Может быть, он позволит ей почтительно целовать его маленький желтый пенис. А может (пожалуй, это возбудит его сильнее!), поставит ее раком и посмотрит, как Грув будет запихивать ей сзади...

В общем, он ненавидел и Барби за то, что она не принадлежала ему. Поговаривали, что она дает многим (только не Студенту!). Мстит Рою за то, что тот не обращает на нее внимания. Рой — странный мужик. То ли импотент, то ли евнух. Но точно не святой... Ха! Нащупать бы только его слабое место. Наката придумал бы, как этим воспользоваться. Он был уверен, что слабые места есть у всех без исключения. И он знал свое собственное слабое место, а это уже немало.

Внезапно Студента перекосило. Он заметил тщедушную фигурку, отделившуюся от толпы. Приближалась Вера. Поклонница его таланта. Эта уродливая робкая курица нагоняла на него смертельную тоску. Кажется, вбила себе в голову, что влюблена и что у них с Накатой «духовная близость»! Подобный «комплимент» в ее устах был для него как пощечина. Выходит, он стоял на одной доске с этой... неполноценной. Людишки-неудачники тянулись друг к другу, объединяя усилия в борьбе против равнодушного окружения...

Вера подошла и улыбнулась. Наверное, думала, что улыбается мило и застенчиво. *«Спрячь эти зубы, дурочка, и никому не показывай! Маленькие, желтенькие, кривенькие...»*

Прогнать ее, что ли? Но тогда он останется совсем один, а одиночество порой невыносимо. Нужны союзники. Нужно что-то делать, чтобы не проиграть, когда Рой Великолепный свернет себе шею в дальнем походе.

— Чего тебе надо? — спросил Студент не слишком любезно.

— Наши вернулись, ты видел?

— Видел, — буркнул он.

— Нашли целый склад, но почти все пришлось бросить. Обидно...

Наката злорадно ухмыльнулся, отвернувшись, и Вера не заметила его ухмылки. Кроме всего прочего, она была подслеповата. Куда ей иметь очки, такие, как у Студента! Да и зачем они уродине? В размытом и нечетком мире куда больше шансов сохранить иллюзии... А Наката ликовал. Выходит, наш доблестный мэр вдобавок облажался. Студент сделал заметку в памяти. Он всерьез собирал компромат на Роя. Чтобы предьявить при удобном случае и открыть глаза обманутому электорату.

А Вера продолжала воодушевленно делиться новостями:

— Рой считает, что можно будет вернуться за топливом. Потом, когда утихнет буря. Груз найдёт то место...

— Рой считает, Рой сказал... — раздраженно бросил Наката. — А своими мозгами вы научитесь думать?

Она замолчала, уловив его настроение. Не посмела возразить. Только положила прыщавую лапку ему на плечо. Студенту стоило большого труда, чтобы сдержаться и не дернуться. Но надо быть снисходительным. Один человек — один голос. Трахнуть, что ли, эту дурочку, чтобы иметь ее голос в кармане наверняка?

Нет, еще рано. До очередных выборов далеко. Он уже начал продумывать тактику «работы с избирателями». Им надо понравиться любой ценой. Вылезти из шкуры, но понравиться. Всем. Начиная от этой сопливой сочинительницы сказок Лили и заканчивая... Тьфу ты! Опять Барби раздвинула своими умопомрачительными бедрами задернутые шторы его фантазии.

— Я думала, мы поиграем сегодня в города... — промялила Вера, искренне пытаюсь развлечь его. Ей было нелегко с ним. Наката — такая тонкая и ранимая натура! Никогда не знаешь точно, как он поведет себя в следующий момент. Случалось, самое невинное замечание вызывало у него гневный припадок. Однако бывали же и

чудесные тихие минуты. Например, она читала ему стихи, и он слушал молча, но нельзя было понять, о чем он при этом думает... Очевидно, он много страдал, бедняжка, и держал это в себе. По мнению Веры, ему следовало открыться, довериться ей; она будет внимательной и чуткой. Порой ей хотелось обнять его и защитить от насмешек более грубых и толстокожих людей (а они действительно насмеялись над ним — она не раз слышала с болью в сердце, как они отпускали шуточки в адрес Студента у него за спиной). Ее робкое чувство любви к нему было отчасти сестринским, отчасти материнским, но главным образом — инстинктом замерзшей дворняжки, которая ищет того, к кому можно прижаться и назвать хозяином. Пусть жестоким, но хозяином.

— Да, да, поиграем. Но немного позже.

Студент был необъявленным чемпионом Пещеры по игре в города. Он помнил сотни названий и мог бы нарисовать подробную карту любой страны. Любой **НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ** уже страны. Феноменальная память! Но если бы это приносило хоть какую-нибудь практическую пользу! Тупица Рой, который знал не больше двух десятков столиц и в шахматном «блице» не продержался бы против Накаты и трех минут, поощрительно похлопывал Студента по плечу и называл его «наш профессор». Предлагал быть

учителем (учителем!) тому, кто был рожден, чтобы править.

Учить стадо? Увольте! Зачем, спрашивается? Стадо надо держать в невежестве. Знания должны принадлежать кучке избранных. Одни управляют, другие подчиняются. Так решил Бог, скрепив свою волю печатью генетического кода.

* * *

...Спровадив Веру с глаз долой, Наката решил немного соснуть. Но не тут-то было. За спиной послышалось знакомое сопение. Он обернулся. Кеша подкрадывался к нему со сломанным водяным пистолетом.

Да что они все — с ума посходили, что ли? Не могут оставить его в покое! Только этого недоноска ему сейчас не хватало! Еще один будущий почитатель великого и непогрешимого дяди Роя. Дурное семя. Или наоборот — слишком хорошее. Потенциальный конкурент.

Несмотря на то что существование людей в Пещере висело на волоске, Наката как истинный стратег смотрел на десятки лет вперед. Именно поэтому он и отказывался учить малышей под различными невразумительными предложениями. Соответственно, мамочка Лили косо поглядывала на Студента.

(Короче, клубок получался тот еще. Ниточки добра, зависти, ненависти, похоти и любви так сложно переплелись, что безболезненно развязать узелки представлялось делом чрезвычайно трудным, если вообще возможным.)

Заметив, что попытка подобраться незамеченным сорвалась, Кеша рассмеялся и бросился к Накате. Однако Студент не стал хватать его и брать на руки, тискать, подбрасывать в воздух и сюсюкать с ним, как сделал бы любой другой взрослый. Симпатичный карапуз, ничего не скажешь. Но — будущий враг.

За шаг до Накаты Кеша вдруг остановился, словно наткнулся на невидимую стену. Его глаза внимательно изучали лицо Студента. Не по-детски внимательно. Тот даже ощутил некоторое неудобство. Дьявольщина! У сопляка взгляд — как рентген...

Наката уставился на шахматную доску. Вместо потерянных пешек на ней были разложены камни. Черным королем служил бронзовый гном из какого-то шикарного письменного набора, а белой королевой — перевернутая рюмка с отбитой ножкой. Таким образом, остатки цивилизации и чуть ли не вся история в разрезе оказались представлены на клетчатом поле. Сражение продолжается. Одни умирают, другие остаются. Была даже проходная пешка, занимавшая пока

сомнительную и, на первый взгляд, ничем не примечательную позицию (мысленно студент нарек пешку Накатой). Для полноты картины, пожалуй, не хватало только парочки трилобитов, костей динозавров и зубов Юрия Гагарина... Какая красивая партия могла бы получиться! Студент посвятил бы ее Вымершим. Тем более что играл-то он сам с собой.

Кеша не отстал, как и следовало ожидать. Вместо этого он сказал:

— Наката-сан, ты обисял поиграть со мной в саски.

Ага, в шашки. До шахмат пока дело не дошло, иначе следовало бы признать пацана вундеркиндом. Но и шашки для его возраста тоже неплохо. А кто, интересно, посоветовал ему добавить к имени Накаты «сан»? Студент не помнил, чтобы когда-либо произносил подобное. Если это чья-то злая ирония, то держитесь, шутники, подучившие молокососа!.. И заметьте: мальчишка сказал «Наката», словно чуял, что кличка — нож в сердце. По мнению Студента, в этом была какая-то иезуитская хитрость.

Но пацан глядел так простодушно. В глазах не осталось и тени того сканирующего чужую душу ублюдка, который прятался до поры в чересчур маленьком детском тельце.

Что-то щелкнуло в мозгу у Студента.

Мальчишка опасен. С какой точки зрения — пока неизвестно. Именно поэтому надо держать его поближе. Следить. Изучать. Пытаться понять. Чтобы не прозевать проходную пешку на стороне противника.

И если, двигая шахматные фигурки, Наката был уверен, что играет с самим собой, то о людях он не мог этого сказать.

* * *

Студент смел с доски заведомо выигрышную для белых комбинацию и начал расставлять черные и серые пуговицы, обозначавшие шашки.

— Раз обещал, значит, начнем.

Он был готов к тому, что мальчишка учится быстро. Например, в прошлый раз Кеша все-таки провел две шашки в дамки.

7

Полет

Наконец Локи преодолел последнее препятствие в виде отогнутого наружу рваного края обшивки и сумел заглянуть в кабину. Он испытал даже некоторое разочарование, когда не увидел внутри мертвецов. Это означало, что кто-то обыскал бомбардировщик задолго до него и

прибрал к рукам все более или менее ценное. Дохляков, вероятно, сбросили вниз, раздели догола, разули; тела в лучшем случае погребены в снегу. Мародеры появились сразу после войны; трупоеды — намного позже...

Целых стекол не осталось, и Локи забрался в кабину. Он посидел в кресле пилота, подержался за штурвал, попытался отыскать пульт управления оружием, но не нашел. Он уже хотел заняться более насущными делами, когда внезапно на него накатило... То самое... Прикосновение вечности.

Там, в том странном измерении, все еще шла война, рвались бомбы, ракеты наводились на цели, по улицам городов в панике метались обезумевшие толпы. Война шла и будет идти, не прекращаясь в своем безвременье. Шарманка уничтожения играла одну и ту же мелодию, повторяя ее без конца. Капсула, зарытая в самом глубоком слое реальности. Послание предкам, потомкам и современникам.

И ангел смерти тоже был жив. Локи стал одушевленной частицей его темных снов. Он почувствовал, что летит на громадной высоте с потрясающей скоростью, оставляя позади звук. Вверху сияют неправдоподобно яркие звезды. Откуда-то он знает их имена и названия созвездий. Вон Полярная; вон Сириус; а вон Бета Персея: Алголь — звезда-Дьявол...

Стынут светила, погруженные в черноту среди дня. Стынет кровь в жилах. И вот уже вместо крови пересыпается зола... Черный торнадо движется через фьорды расплзающегося мозга...

Затем Локи (или самолет?) снижается, скорость падает; ангел идет над самой поверхностью планеты, огибая рельеф. В кабине появляются призраки. Экипаж не замечает присутствия Локи; силуэт командира сливается с его телом. Так кто же на самом деле призрак? И кто у кого ВНУТРИ?!

Локи покрывается липким потом. Но нездешний кошмар только лизнул его влажным языком; почти сразу же возвращается ощущение могущества и неуязвимости. Крылатые ракеты запущены — целый выводок ангелочков-камикадзе устремляется навстречу своей гибели...

Локи извергается. Смерть выплескивает в пустоту свое убийственное семя.

Конец полета.

* * *

Локи (вернулся? совершил аварийную посадку?) пришел в себя и понял, что опустошен. Не только физически. Такое чувство, словно переспал со шлюхой, у которой была бездонная нора. Иногда он проваливался туда целиком. Она

высосала из него все соки и паразитировала на искаженном сознании.

Иллюзорность? Самообман? Нет, опасность была вполне реальной.

Хватит с него этих игр. Необходимо искусно балансировать, когда пробираешься по острой грани между мирами. Локи повидал на своем веку немало «заигравшихся» на других уровнях и в результате попросту свихнувшихся суперов. Они решили, что мозги им больше ни к чему. Негодный, дескать, инструмент на «верхних» ступенях эволюции.

Но ничто не проходит даром. Второй уровень хорош, но надо возвращаться, если не хочешь превратиться в слюнявого идиота, которого ставят углом все, кому не лень, даже суггесторы. Пока таскаешь эту плоть, боги спускаются к тебе чаще, чем ты «залетаешь» к ним на вечеринку. С такой постановкой вопроса были согласны и супраменталы, пытавшиеся вытащить митов из грязи. И себя приподнять, конечно. За волосы.

Локи выбрал другой путь. Бомбардировщик вполне оправдал его ожидания. Чутье не подвело. Это было место концентрации силы. Отныне Локи сможет подсоединяться к неиссякающему источнику нечеловеческого кайфа в любой момент, как только возникнет желание. По правде говоря, желание тлело в нем постоянно.

Искушение велико, но Локи не был наркоманом. Он был прагматиком с огромной волей и цепким умом. Когда дело будет сделано, он покинет это место без всякого сожаления. Плюнет, уйдет и даже не оглянется. Мистическая сила должна служить человеку, а не наоборот. В противном случае это — добровольное и непреодолимое рабство. А для суперанимала быть в рабстве невыносимо.

(Кстати, привязанность к оружию в счет не шла. Это была маленькая прощительная слабость, которую и зависимостью-то не назовешь. Что-то вроде достоинства самца — либо оно есть, либо нет.)

Несмотря на усилившийся голод, он рвался к намеченной цели, но подвела погода. Зарниц уже не было. Мутная пелена затягивала горизонт. Приближалась сильнейшая снежная буря. До ее начала оставалось не больше полутора часов, и Локи решил отложить поиски укрытия аборигенов. В конце концов, он ждал дольше.

Время, время... Какая-то многоскоростная штука. То ползет, как кляча, то летит, как ракета, то исчезает вовсе. Контроль над временем — это уже четвертый уровень. Локи пока не претендовал на него.

Ну что ж, он с пользой проведет ночь. Часы, минуты и даже секунды не должны быть потрачены

зря. Смерть внимательно наблюдает за каждым шагом и поступком. Если она сочтет тебя промотавшимся банкротом, наказание последует незамедлительно...

Шестнадцать суток он не был в укрытии — с тех пор, как покинул колонию суггесторов. Он мог бы иметь любую упряжку, но собак надо кормить. Отдых ему не помешает.

Он достал из вещевого мешка кусок замороженного мяса и настругал себе простой ужин. Потом развел огонь в компактном походном примусе и разогрел ломтики мяса, не поджаривая их. Между прочим, блюдо называлось «девичьи ушки».

Локи поел, еще раз осмотрелся и лег спать. Видения и призраки больше не тревожили его. Сейчас он не хотел видеть сны.

8 Барби

Рой проспал шестнадцать часов без перерыва. Выныривая из глубочайшего омута, он уже понял, что буря «наверху» стихает. Будто выработались какие-то новые биологические ритмы: вместо «дня» и «ночи» — чередования спокойных и бурных периодов. Закономерности нет. Календарь не составишь. Роза ветров превратилась в звезду,

выбрасывающую мощные лучи в непредсказуемых направлениях. Механические часы кое у кого еще идут, но не с чем сверять время. Климат меняется постоянно. Не всегда к худшему, однако оттепели не было ни разу.

Рой привык к этим колебаниям погоды. Они вносили в существование хоть какое-то разнообразие. Постоянство нагоняет тоску. Начинаешь делать глупости, лишь бы изменилось хоть что-нибудь...

Кто-то поскребся в дверь его «приемной» (она же спальня, она же отгороженный участок Пещеры размером три на четыре метра — почти неотличимый от других «покоев» в ряду многих подобных. И все это напоминает стойла в конюшне. Да и дверь-то — одно название. Дверью служил щит с надписью «Rock`n`Roll forever!». Так уж вышло, что все-таки не «forever»...).

Может, Грув явился проведать старшего брата? Но пес обычно не деликатничал, открывал башкой двери и входил туда, куда хотел...

Дверь приоткрылась. Ну, кто же там?

Показалась обнаженная женская ножка... Рой тяжело вздохнул.

А-а, куколка Барби. Опять решила поиграть с ним в старую игру, упрямо не желая признать бездейственность своих чар. Вот она и вся целиком — свеженькая и пышущая здоровьем. Не он один

удивлялся, каким образом Барби умудряется в скотских условиях сохранять прекрасную фигуру, кожу, волосы и ногти. И зубы у нее белые, как молоко. Женщины завидуют и, конечно, болтают лишнее. Мужчины — совсем другое дело. Устоять чертовски трудно... М-м-м... действительно влекущий аромат. Говорят, белье у нее тоже в полном порядке...

Рой лукавил с самим собой. Он знал, какое у Барби белье. И не так уж он защищен от ее атак, как могло показаться со стороны. Люди уверены, что с нею у него ничего не было и нет. Но один раз все же было. Один-единственный раз — хотя и этого достаточно, чтобы у Барби появился козырь, которым она будет владеть до конца его дней. Теперь она изменила тактику и вела длительную осаду. А тогда ей понадобилась всего минута, чтобы крепость, казавшаяся неприступной, сдалась. Стремительный натиск застал его врасплох.

Это случилось после банкета в честь избрания Роя мэром на новый срок — если можно назвать банкетом варварское распитие запасов технического спирта, фуршет с волчьим мясом, стол, сервированный консервными банками, и танцы до упаду под аккомпанемент дуэта барабана и стиральной доски, а также пьяного хора.

Сам виновник торжества выпил немного, но его организм не привык к алкоголю. Рой погрузился

в мягкое, золотистое, мерцающее облако, в котором исчезла тревога и боль, — и не стало ни прошлого, ни будущего, а настоящее показалось не таким уж важным. Придерживаться строгих принципов? Ради чего, скажите на милость?..

Он удалился к себе, прилег и не заметил, когда рядом очутилась Барби. Должно быть, она родилась как Афродита постатомного века — из пены, взбитой волнами тоски, накатывавшими на берега забвения. И Рой забыл себя. Он растворился в этой чудесной плоти, погрузился в нее, будто в райские облака; впитал нектар, готовый пролиться благодатным дождем.

Она была самкой до мозга костей. Она обволакивала его и щедро делилась с ним своим волнующим дыханием. Секс был ее стихией, разбивающей в щепки корабли благоразумия и уносящей мужчин в открытый темный океан, где луна ее желания вызывала приливы и отливы спящих оргазмов...

(Белье, кстати, напоминало лоскуты кожи, сброшенной змеей, тончайшие пленки сгустившегося вожделения, кружевные вуали уплотненного желания...)

В ту ночь он забыл на время даже свою Лили. Но после сна пришло похмелье, и еще один червь поселился в сердце. Маленький такой червячок — не очень капризный и не слишком назойливый. С

ним можно было договориться и заглушить его грызущие звуки.

Кто-кто, а Рой усвоил, что Барби нельзя подпускать близко — если, конечно, хочешь остаться в штанах. Существовало некое критическое расстояние сдерживания, после чего аромат уничтожал сопротивление. Иногда Рой думал, кем она могла быть с ее «талантами» в той, прошлой, жизни. Звездой стриптиза? Порнокоролевой? Женошкой миллионера, дорого продавшей свои прелести, но при этом путающейся с личными тренерами по теннису и автогонщиками? А может, просто доброй шлюшонкой, которая выдала бы пропуски в большую жизнь нескольким поколениям подростков?..

Бессмысленно гадать. Реально лишь то, что непоправимо. Все остальное — блажь, грезы, сны. Малый сентиментальный комплект инструментов, с помощью которого женщины черпают из беспросветности силы жить, а мужчины — самообман, заменяющий водку...

Он старался не смотреть в глаза Барби. Она подошла и будто невзначай коснулась грудью его плеча. Потом спросила низким вкрадчивым голосом:

— Как спалось, милый?

— Спасибо, хорошо.

— Отдохнул?

— Да, вполне.

— Набрался сил?

— Не балуйся, Барби.

— А что? Я серьезно. Девушка соскучилась по мужской ласке. Рой, признайся, ты же сам этого хочешь...

— Мне пора.

— Не будь занудой. Почему ты меня избегаешь? Брезгуешь? Разве тебе было плохо со мной? Ну скажи, плохо, да?

— Ты прекрасно знаешь, что нет. Мы уже говорили об этом десять раз. Но пойми — все это в прошлом. Забудем. Ты славная девушка, Барби...

— Черт, я СЛАВНАЯ девушка! — передразнила она, скривив рот. — Все так говорят. Я подстилка, об которую каждый может вытереть ноги. Я шлюха, которую можно вышвырнуть, когда она надоест. Бессердечная тварь с хорошей дыркой. Кем ты меня считаешь?

— Не заводись. И не кричи. Я тебя ничем не обидел. Я отношусь и всегда буду относиться к тебе с уважением.

— На кой черт мне твое уважение! Мне нужен твой х..! Разве ты не понимаешь?! Бей, топчи, унижай, издевайся, но люби меня. Не прогоняй. Скажи хоть раз, что я нужна тебе. Дай мне почувствовать это...

— Бред какой-то. Ты сама не знаешь, что несешь.

— А малышка Лили знает?

Он дернулся, будто она отвесила ему пощечину. Кровь бросилась в лицо. Даже не произнося ни звука, он выдал себя с головой. Вспышка гнева быстро сменилась менее горячим, зато долго пылающим стыдом. И все же Рой нашел в себе силы улыбнуться и сдавленно спросил:

— Что ты имеешь в виду?

Барби горько усмехнулась и обхватила его лицо прохладными ладонями. Он не отнял ее рук.

— Бедняжка Рой, — прошептала Барби. — Разве ты не знаешь, что сердце ревнивой сучки чует все? Эта девочка не для тебя... Но у меня, кажется, нет шансов?

Он покачал головой, не находя слов. Вдруг она резко наклонилась и яростно поцеловала его в рот, до крови прокусив нижнюю губу. Он задохнулся и ощутил солоноватый привкус сквозь пульсацию кратковременной боли.

— Я люблю тебя, — сказала Барби и оттолкнула его. — А теперь пошел к черту!

* * *

Через секунду ее уже не было. Рой стукнул себя кулаком по лбу, а затем закрыл глаза и

заплакал, выдавливая слезы между плотно сжатыми веками. Червячок превратился в дракона, обжигающего внутренности огнем и пожирающего их. У дракона было две головы, две пасти...

Две неразделенные любви терзали Роя. Одна порхала и дразнила в недостижимой высоте невинности, как безгрешная птичка; другая тащила на дно, как слиток свинца, усеянный клеймами порока... *«А кто тогда ты сам? Несчастный дурак, связавший себя по рукам и ногам...»*

Но разве у него был выбор? Если нет выхода из замкнутого круга, то каким способом, в каком месте разорвать его?

На мгновение Рой даже пожалел, что не остался там, в заснеженной мгле, и не замерз, превратившись в бесчувственный кусок мяса. Уйти бы, убежать отсюда. Надо снова организовать вылазку. Находясь вне Пещеры, в компании десятка надежных людей и Грува, он начинал видеть смысл движения и существования. Пусть случится хоть что-нибудь экстраординарное! Им нужно потрясение, которое вырвет их всех из трясины примитивного прозябания, вернет человеческое достоинство узникам бетонного склепа, где благодатно разрастаются только сорняки греха...

Еще не известный ему враг уже услышал его немую просьбу. И снизошел к ней.

9

Дегро

Буря стихла, но ветер не прекращался никогда. Внутри бомбардировщика что-то выло, стонало и гудело, как эолова арфа. Проснувшись, Локи несколько минут медитировал под великолепно-жуткую нечеловеческую музыку, сочиненную первозданной стихией. У него было чувство прекрасного — а как же без этого? Красота и смерть всегда шли рука об руку. Сестры. Сиамские близнецы. Двудикая маска Абсолюта. Древние восточные воины, про которых ему рассказывал суггестор Лука, собиравший зачем-то старые книги, понимали это...

Укрытие оказалось вполне надежным. В дальней части кабины, где Локи расположился на ночлег, снега не было вообще. Выглянув наружу, он увидел, что ландшафт изменился, однако это касалось только белой рыхлой плоти, выброшенной поверх ледяного острова. Каждая буря — как бессмысленная пластическая операция, которая уже не сделает кошмарный лик планеты более привлекательным. А вот странников перемены внешности могут обмануть. Но не Локи. Он уже определил положение новых ориентиров относительно постаментов и ажурной опоры, затем слегка подкорректировал хранящуюся в памяти

карту.

Накопленная за время сна энергия переполняла его, хлестала через край. Вопрос был лишь в том, чтобы израсходовать ее с максимальной пользой. Локи решил предпринять разведку боем. Для этого вовсе не обязательно самому лезть под пули. Суперанималы разработали способы получше. Все, что Локи наметил, он проделывал основательно, без суеты и промедления.

Он вылез из бомбардировщика, спустился вниз, отошел шагов на пятьдесят и оказался посреди застывшей реки. Город, превращенный в руины, окружал его темными бастионами. Локи позволил плывущей с ветрами мгле поглотить себя; он слился с нею, протянул во все стороны незримые щупальца...

Второй уровень. Мир изменился. Тут уже не было света и тьмы, а также привычных форм. Сгустки жизни двигались вдоль силовых линий, приходя в столкновение и поглощая друг друга в случае противоречивых влияний. Тут были свои оазисы и долины смерти, течения и рифы, скопления благодати и ад пустоты...

Локи тоже изменился. Вот он утрачивает тело. Собственный разум — веретено, на которое намотан вибрирующий от бешеного напора шланг. По нему перетекает нечто — тугая и вязкая струя. У

Локи шланг прочный, гибкий и очень длинный. Его конец извивается между неисчислимым множеством других, не запутываясь и образуя неповторимые сплетения. Иногда шланги захлестываются в петли и притягивают неподвластные потоки. Иногда вбирают в себя и поглощают более тонкие струи. Все непрерывно движется, обмениваясь энергией. Шланги остаются неизменными на протяжении жизни; узоры фонтанирующей субстанции всегда разные...

Сканируя утратившее обычную протяженность и перспективу пространство, Локи искал то, что ему было нужно. Сгустки определенной насыщенности. С годами приходит опыт, способность распознавать и различать то, что вначале кажется неразличимым. Он оценивал интенсивность истекающих струй, их скорость, взаимодействие и подвижность.

Но все это были Бесплотные. У них не хватало энергии, чтобы вторгнуться на первый уровень. Их можно использовать для проникновения в чужое сознание и даже в сновидения; этот зыбкий хоровод может свести с ума суггестора или слабого супраментала, не говоря уже о митах, — однако сейчас Локи поставил перед собой другую задачу.

Он шарил в нездешней среде, «ощупывая» источники, играя с призраками, тасуя их, как колоду карт. Наконец он «дотянулся» и до тварей,

обладавших телами. Этих было гораздо меньше — островки материальной жизни посреди бесконечности. Он обнаружил темное скопление десятков существ-сгустков («*Миты!* — значит, *суггестор не соврал*»), но, кроме самого факта присутствия, второй уровень не давал информации ни об истинном направлении, ни о расстоянии до колонии. Локи увидел лишь искаженные тени живых, упавшие в недоступное им самим измерение...

Он мог бы повредить питавшую их общую «пуповину», но сейчас этот долгий способ побеждать, изобретенный самыми терпеливыми из суперов, был неприемлем. Что толку рубить «корень»? Тогда колония митов попросту зачахнет и вымрет спустя пару лет без всяких видимых причин. А ему нужны ЖИВЫЕ. И здоровые, насколько это возможно.

Он продолжал свой поиск, посылая черный луч маяка сквозь призрачные сети, улавливающие только самые тонкие разновидности материи.

Одинокий песец... Стая одичавших бродячих собак. Неплохой инструмент, но Локи предпочел бы прямоходящих. В крайнем случае собачки тоже никуда не денутся. Правда, найти их и привести в Точку Подчинения будет непросто...

Неистребимые тараканы в каком-то наглухо заваленном подземелье... Огромное количество

органических останков...

Но вот, кажется, то, что нужно. Трое двуногих, которых он безошибочно идентифицировал как дегро.

На некую долю секунды по земному времени Локи «взлетел» на третий уровень. Большого он не мог себе позволить — затраты витальной энергии были колоссальными, а качать ее напрямую из Голубого Источника он еще не умел.

Впрочем, на третьем уровне время текло гораздо медленнее. Локи переживал состояние, называемое Шестикрылой Птицей. На самом деле «крыльев» было гораздо больше. Он парил в многомерности, а интересующие его объекты располагались на одной из осей, обуславливающих причинно-следственные связи. Эта детерминированность была непреодолимой клеткой для существ из маломерных миров... Локи определил их координаты и поспешно рухнул обратно, вернувшись в плотное состояние, прежде чем Корона Видения начала увядать...

Он растратил немало — почти все, что накопил в течение сна. Но у него будто открылось второе дыхание. Он знал себя и резервы своего организма. Если потребуется, он будет искать дегро сутки, двое, трое...

Однако Локи нашел их гораздо раньше.

Спустя два с половиной часа он уже стоял перед тремя косматыми красавцами, относившимися, по сведениям суггесторов, к третьей группе мутантов-минусов (необучаемы, бесплодны, склонны к каннибализму, чрезвычайно опасны). Локи не видел особой нужды в столь сложной классификации. Всех тварей, находившихся ниже определенного уровня развития, он относил к универсальной категории «дегро». И обращался с ними соответственно.

Дегро издавали низкий утробный рык, медленно приближаясь к тому, кого они принимали за легкую добычу. Локи не различал и проблеска мысли в их глазах с огромными зрачками. Ими руководили звериные инстинкты, но в чем-то они не дотягивали даже до зверей. И понимали всего один язык, на котором он умел говорить более чем убедительно.

Итак, только трое. Очень сильные, но не слишком подвижные. Двухметровый Локи, чье мускулистое тело имело соответствующие габариты и весило немало, выглядел карликом рядом с ними. Он положил ладонь на рукоять Громобоя, затем передумал и освободил от кожаной узды Тихую Фриду.

У Громобоя был один «недостаток» — он

казнил быстро. А Локи хотел пустить кровь. Много крови. Ее запах и вид вполне красноречивы — он сделал ставку на этот главный фактор воздействия.

Локи обнажил свой единственный, зато стальной коготь. Дегро, у которых когтей было по двадцать штук на каждого, даже не обратили внимания на эту мелочь. Одурачивающая вонь их тел и свалявшейся шерсти послужила для супера еще одним раздражителем. Что-то тихо захрустело. Локи будто увеличился в размерах, однако твари уже сталкивались с такой разновидностью мимикрии...

Их туши заслонили почти все. Суперу была продемонстрирована поза угрозы в трех идентичных экземплярах. Показались клыки размером с большой человеческий палец. Рваные края ноздрей трепетали. Уродливые мешки болтались между ног...

Локи застыл в неподвижности, сверля глазами ближайшего дегро. Прямой взгляд означал агрессию и вызов. Тот, кого супер выбрал в качестве первой жертвы, доминировал в маленькой группе. Локи собирался на время занять его место. Им предстояло сразиться насмерть — без вариантов.

Суперанимал ждал, пока противник нападет первым и раскроется. Он умел держать паузу. Мгновения, невыносимые для слабонервных,

складывались в долгие секунды, а он стоял, не шевелясь и спокойно дыша, как делал это на всех дуэлях, в которых одерживал победу, на улицах мертвых городов и в безлюдных безжизненных ледяных пустынях, — просто стоял и ждал, прежде чем наступал момент, когда его мышцы взрывались.

А схватка с дегро — даже не дуэль.

Чуть труднее, чем зарезать овцу.

В этой «овце» было килограммов двести пятьдесят, и она могла убить человека одним ударом лапы. Тем не менее Локи, не моргнув глазом, сделал шаг в сторону и убрал голову с траектории, по которой рассекли воздух семисантиметровые когти. Тварь еще не восстановила равновесие после замаха, а супер уже отправил Фриду искупаться в крови. Его движение напоминало порыв ветра.

Дегро взревел, ощутив сталь под ребрами. Локи не стал убивать его сразу. Он позволил Фриде вдоволь наиграться. Он хотел, чтобы двое других ублюдков как следует усвоили кровавый урок. Он собирался предоставить этим тупицам весь комплекс доступных им ощущений — слуховых, обонятельных, зрительных...

Разъяренный дегро бросился на Локи, пытаясь подмять того под себя. Пожалуй, в этом случае у супера действительно не осталось бы шансов.

Однако он легко выскользнул, используя неповоротливость врага. Клыки щелкнули возле горла, но это «возле» было выверено холодным разумом Локи до сантиметра.

Изголодавшаяся по работе Фрида весело порхала, как выпускница на балу, только вместо шампанского опьянялась кровью, которой омылась многократно. Она вполне оправдывала первую часть своего имени, издавая лишь тихий скрип, когда пронзала толстую кожу... Вскоре дегро уже отхаркивал розовую пену при каждом выдохе. Снег, на котором он топтался, покрылся россыпями темных пятен; несколько брызг попало и на одежду Локи.

Он продолжал свой завораживающий танец с огромным партнером, который заметно пошатывался после обильного кровопускания. Со стороны дегро последовала серия отчаянных ударов в пустоту. Локи отвечал скользящими, наносящими неглубокие, но болезненные порезы...

Пришлось испортить хорошую шкуру. Он успел подумать об этом с чисто прагматическим сожалением. Действительно, шкуры гиганта дегро хватило бы на две дохи с капюшонами. Но эта была безнадежно изуродована стараниями Фриды. Впрочем, у супера всегда найдется из чего выбирать.

Двое тварей пока не вмешивались в схватку,

однако он внимательно следил за ними краем глаза. Их пассивность убеждала в том, что он сделал верный ход, сцепившись с доминантом. Его самого так ни разу и не задело.

Дегро окончательно обессилел, когда Фрида вспорола ему брюхо, сделав ровный, почти хирургический разрез. Но затем края раны разошлись, и внутренности начали вываливаться наружу. Тварь опустилась на колени, издавая тоскливый рев. Локи подошел очень близко, но и теперь не получил ни единой царапины...

Наступал решающий момент. Бросятся ли на него те двое, увидев, что доминант издыхает? На всякий случай Локи расположился так, чтобы не схлопотать сзади внезапный удар, который сдерет с него скальп или снесет половину черепа. Показать спину — значит дать сигнал к нападению.

Предосторожность оказалась излишней. Дегро больше не делал попыток подняться. Начиналась агония. Локи приблизил ее конец, быстрым и точным движением перерезав твари горло, которое теперь находилось вровень с его поясом.

Когда доминант затих, стало слышно тихое поскуливание, которое издавали живые дегро. ПОКА живые.

Локи оскалился и повернулся к ним. Затем вытянул вперед руку, пальцы которой были сложены в Знак Сова.

Дегро медленно опустились на четвереньки, затем легли на живот и поползли к нему. Теперь он увидел их куцые, по-собачьи поджатые хвосты. Твари сдавались и признавали его главным.

Оказавшись возле ног хозяина, они перевернулись на спину, и он поочередно наступил каждому из них на Сплетение Жизни, запечатав каналы. Теперь они полностью принадлежали ему; он отмерил оставшееся им время. Дегро замолчали, потому что он приказал им замолчать. Из их глаз катились слезы...

Потом он поел. Свежайшего мяса и горячей крови было вдоволь. Давно он не устраивал себе такой обильный пир. Правда, кровь быстро остывала на морозе.

Дегро наблюдали за его трапезой, будто заколдованные истуканы. Насытившись, он разрешил им двинуться с места, и они начали жадно пожирать останки своего собрата, не брезгуя кишками...

Вдали уже показалась собачья стая, привлеченная запахами, которые далеко разносил ветер. Пока у Локи были с собой Громобой и Тихая Фрида, он не обращал на падальщиков особого внимания. Да и клыки его чего-то стоили, хотя он редко пускал их в ход, предпочитая более «чистые» способы. На месте сломанного и выпавшего зуба уже начал прорезаться новый; десна распухла и

зудела, но это была приятная боль — боль восстановления.

Покончив с кормежкой СВОИХ дегро, Локи отдал им новый приказ.

10 Тень

Студент вежливо попросил у Лео книгу. Старый дурак вытащил ее из металлического несгораемого ящика, в котором хранил все свои немногочисленные сокровища, развернул мягкую тряпочку, сдул с корешка несуществующую пыль и с величайшей торжественностью вручил Накате. Словно одаривал Откровением. Или передавал приглашение в клуб избранных...

Собственно говоря, так оно и было. Пройдет еще немного времени, и уметь читать будут только избранные. Особенно когда вымрут тупые, сентиментальные, ностальгически настроенные «демократы» вроде Лео, много болтавшие о возрождении «общечеловеческих ценностей». Именно они и подобные им соглашатели привели мир к катастрофе.

Наката знал другую модель. Идеально отрегулированный механизм, в котором не бывает сбоев. Портрет Джугашвили висел в его камерке на почетном месте — между изображениями голых

полногрудых красоток, — и когда у Студента спрашивали, кто это, он обычно отвечал: «Да так, один мой старый знакомый». Погиб во время войны? Нет, намного раньше. Но Наката был уверен: дело кумира живет.

Однажды, в припадке воодушевления, он ляпнул Вере, что это его «старший брат». Совершенно не похож, заметила дурочка. У нас разные отцы, объяснил Наката.

Но грудь-то они сосали одну и ту же. Это было вымя волчицы, вскармливающей тиранов во все времена...

И вот книга снова у него в руках. Он ощущал что-то вроде жжения в кончиках пальцев. О, как он хотел бы тотчас швырнуть ее в огонь, уничтожить этот символ регресса! Но Студент прекрасно понимал, что тогда он станет изгоем. Еще рано объявлять открытую войну, хотя Наката уже несколько дней подряд ощущал приближение извне чего-то необыкновенного. Определенности не было — лишь смутные предчувствия, жутковатые сны...

То же самое он испытывал перед гибелью колонии, в которой жил раньше. Он был единственным, кто сумел спастись. Он не любил говорить и даже вспоминать о тех событиях. Студенту довелось сполна узнать вкус собственного дерьма, а кому такое понравится!

Почему-то он был уверен, что не повторит

прежних ошибок. Он крепко усвоил правила этой игры.

Он уединился в своей камерке, чтобы сосредоточиться. Книгу он брал у Лео нечасто, не испытывая никакой потребности в мазохизме. Но теперь — особый случай. Настал момент досконально разобраться с этим бараклом.

В книге и цветке было что-то мистическое. Ничем иным нельзя объяснить странное объединяющее свойство, которым они обладали, будто святости религии, живущей в сердцах, несмотря ни на какие лишения. Впрочем, религией от них и не пахло. Студента не удивляло, что люди цеплялись за придуманные фетиши, когда цепляться больше не за что и опора выбита из-под ног. Но почему именно ЭТА книга? Почему именно ЭТОТ жалкий сухой стебелек?

Он поднес цветок к носу и уже не в первый раз понюхал его, будто всерьез надеялся уловить какой-то запах, дошедший сквозь время. Затем даже откусил маленький кусочек и долго жевал его, чтобы проверить, не является ли растение наркотическим. Он подозревал, что имеет дело с наркотиком иного рода, далеким от химии.

В книге, на первый взгляд, тоже не было ничего необычного. Несколько сотен сшитых страниц, пожелтевшая от времени ломкая бумага и потертая обложка. Отличная вещь для растопки

очага. Что касается самого текста, то Наката прочел его трижды, надеясь обнаружить некий ключ к пониманию необъяснимого влияния на людей. Может быть, книга содержала зашифрованное ПОСЛАНИЕ от вымерших к выжившим?

Это была интересная гипотеза, но не более, поскольку она не находила подтверждения. Как, впрочем, и другие гипотезы. Наката, безусловно, был не самым тупым из обитателей Пещеры, однако он пасовал перед фразами вроде: «Дверь отпирается словом Любви и Смерти». Подобные пассажи вызывали у него лишь досадливое недоумение.

А в конце книги были напечатаны стихи, показавшиеся ему полным бредом. Вдобавок даты, проставленные под ними, означали, что стихи... еще не написаны. Если это не мистификация, то он читал строки из будущего, отстоявшего от сегодняшнего дня на сотни и даже тысячи лет...

Студент сомневался, что, например, старый Лео понимает, в чем тут дело, хоть и притворяется осведомленным и напускает на себя таинственный вид. Это, может, и действовало на чрезмерно впечатлительную соплячку Лили, но не на Студента. Задавать прямые вопросы ему мешало самолюбие. Чего доброго, эти идиоты сочтут его кретином, не способным понять какую-то книжонку!

Таким образом, книга раздражала Накату самым фактом своего существования. Она и цветок — НЕПРАВИЛЬНЫЕ вещи, которых просто не должно быть. Они контрабандным путем попали в настоящее из прошлого — запретные дары, доставленные уцелевшими паломниками тому, кто так и не родился. А раз не родился, то что теперь делать с ними?

Студент закрыл глаза, надеясь отыскать ответ в самом себе — сегодня или когда-нибудь. (Захватив ценного «заложника», можно второпях уничтожить его. А можно поступить иначе — придержать, чтобы потребовать выкуп. Какой выкуп? За что?!) Но ответ пришел раньше, чем Наката мог рассчитывать в самых радужных мечтах.

Внезапно он увидел силуэт во внутренней тьме — огромный, быстрый, пока еще неразличимый. Студент ощутил ПРИКОСНОВЕНИЕ сквозь пространство и собственную кожу, превратившуюся в рваную сеть. Череп тоже не был препятствием для Тени. Что-то (кто-то?) проникло в его сознание...

Наката, сидевший с закрытыми глазами, улыбался. Если бы кто-нибудь увидел сейчас его лицо, то содрогнулся бы — так много ОБЕЩАЛА эта зловещая улыбка. Но он был один. Люди не мешали Студенту забавляться своими игрушками и

рукоблудием. С некоторых пор и это не было тайной.

* * *

Только Кеша, находившийся в сорока метрах от Накаты, за несколькими перегородками, вдруг подавился теплым варевом, которое называлось в Пещере супом. Откашлявшись, мальчик даже не вытер слюну с подбородка. Его затравленный взгляд был устремлен на огонь.

Маленькие демоны плясали в пламени — младшие братья тех, по-настоящему опасных, которые бродили сейчас где-то в вечной ночи, подбираясь к людям. И Бабай среди них. Но у Бабая не было ничего общего с теплом и светом. Именно поэтому Кеша не мог узреть его облик. Только силуэт. Возможно, лишь благодаря этому он не остался зайкой на всю жизнь.

...Леденящий ужас нарастал, сковывал руки, ноги, пальцы — и даже глазным яблокам было трудно двигаться во впадинах. Бабай рядом. Совсем рядом. Каким-то нечеловеческим способом он уже проник в Пещеру — еще не ВЕСЬ, еще не ЦЕЛИКОМ, и не под фальшивой маской плоти. Малыш не мог понять этого. Он не знал, как передать частицу сознания другому существу. Он будто подсмотрел чей-то кошмар. Но чей?..

В его воображаемом пространстве из темноты внезапно появилась клетчатая доска. На ней были расставлены шашки. Не камни, нет. Когда доска немного (увеличилась в размерах?) приблизилась, Кеша увидел, что это человеческие головы. Он чуть не захлебнулся, проглотив еще один черный шарик ужаса, похожий на комок остывшей каши.

Он узнал головы мамочки Лили, дяди Роя, дедушки Лео, Грува... На дальней горизонтали лежала еще одна голова.

Кеша чуть не описался, когда увидел лицо, которое до этого видел только в зеркальце из волшебного ящичка Лео. Он замычал, не в силах даже зарыдать. Он скорчился возле костра, и демоны пили его слезы прямо из желез...

Лили бросилась к нему, но он не заметил ее объятий. Он убежал по внезапно открывшемуся ему и сдвинутому во времени коридору, а сзади его догонял Бабай, дыша в спину. И от этого смертельного дыхания замерзал липкий пот на затылке мальчика, а волоски превращались в сосульки...

Его подвергшийся опасной атаке рассудок еще хранил образ клетчатой доски, однако был не в состоянии сопоставить очевидное. Во всяком случае, не сразу.

Но скоро он поймет. Обязательно поймет. Те, кого Кеша любит, не должны умереть. Их головы

не будут украшать игровое поле...

Ему понадобилось несколько томительных и страшных часов, чтобы осознать: в его видении присутствовало несомненное указание на Студента.

* * *

...Мальчик долго не мог заснуть, но в конце концов усталость взяла свое. Отдых быстро сменился новой пыткой. Нигде нельзя было спрятаться от Бабая. Даже в снах.

11 Карлос

Получив от Слепого, Видящего Сквозь Ночь, необходимую информацию, супраментал Карлос, больше известный среди братьев и обращенных как Божественный Светильник, без промедления покинул Обитель Полуночного Солнца и отправился на помощь колонистам, которым угрожала смертельная опасность. Его побуждали к этому вера, долг и сострадание. А опасность исходила от Z-4. Передвижения хищника отслеживали агенты Братства. Кое-кто из них уже поплатился жизнью за свою работу.

Карлос был стар и понимал, что этот дальний поход скорее всего станет его последней миссией.

Самой трудной. Почти невыполнимой. Возможно, безрезультатной и губительной. Смерти он не боялся. Ему уже было уготовано место в другой обители — незримой и вечной. Но (просветление) смерть являлась турникетом, пропускающим только в одну сторону. Находясь ТАМ, он больше никого не сможет вытащить из юдоли страданий, никому не сумеет помочь. Не говоря уже о СПАСЕНИИ.

Поэтому Карлос никогда не отвергал падших и не говорил свысока о тех, кто барахтался в мирской грязи, тем более — о несчастных грешниках, которых трясина мерзости и кровавой вражды засосала по горло...

Впервые Слепой — лучший «слухач» Обители — получил сигнал из столь отдаленного места. Сигнал не был послан сознательно; скорее он напоминал крик отчаяния — бессмысленный и нечленораздельный, — беззвучный «воплъ» существа, которое не надеялось, что его «услышат», и даже не знало о том, что умеет «звать».

Однако этот «воплъ» наполнял эфир на всех доступных «слухачам» диапазонах и повторялся нерегулярно, представляя собой спроецированный вовне хаос ночных кошмаров. Слепой, Видящий Сквозь Ночь, был потрясен его мощностью. Он без труда определил направление (северо-запад) и расстояние до источника (примерно две недели пути через ледяную пустыню); гораздо труднее

было понять и смириться с тем, что «зов» исходил от ребенка.

Настоятель оказался перед тяжелым выбором. Он не мог не откликнуться на призыв. Нельзя не отреагировать на очередной выпад Сатаны — иначе зло будет властвовать безраздельно. Но это означало послать одного из своих лучших людей на верную гибель. Отправить двоих не было никакой возможности — обитаемый мир захлебывался в крови, и присутствие супраменталов требовалось всюду. Они и так опаздывали слишком часто. Их оказалось мало даже для того жалкого количества уцелевших, которые пытались сохранить последние очаги цивилизации, затерянные в заснеженных просторах...

Но Карлос не колебался ни секунды. Если ему суждено погибнуть, эта смерть увенчает чистую и достойную человека жизнь. Он сам был пылающим факелом, и лучи его веры отодвигали тьму — пусть всего лишь на шаг, два или три в пространстве и на несколько лет во времени. Иногда этого достаточно, чтобы понять кое-что... и дать надежду отчаявшимся.

Теперь, когда он точно знал, что существуют бесконечные миры света, его тянуло ТУДА — то был зов истинной Родины, которую тысячи перерождений назад покинула его неприкаянная душа. Карлос долго блуждал во мраке неведения,

страдал, падал и поднимался — прежде чем нашел обратную дорогу.

Две недели пути — что значило это по сравнению с теми безднами в самом себе, которые ему пришлось преодолеть! И, может быть, всего две недели пути отделяли его от вечности.

* * *

Ему выделили лучшую упряжку. Снабдили запасом пищи и сухого топлива, а также двумя пистолетами и охотничьим ножом. По роковому стечению обстоятельств, обе пушки оказались взятыми из Проклятого Арсенала, но Карлос презирал «суеверия». Тем более суеверия суперанималов.

Оружие братья покупали у суггесторов. Все знали, что в Обители Полуночного Солнца за него платят хорошо (часто намного больше реальной стоимости) и ни о чем не спрашивают («Сколько жертв? Чья кровь?»). Правда, у некоторых суггов возникало затем необъяснимое и странное желание покаяться...

Большая часть смертоносных железок сразу же уничтожалась. Кое-что оставляли для вооружения миссионеров и для защиты самой Обители. Это была необходимость, продиктованная наличием страшного врага, — минимальное зло во

имя поддержки добра. После всего случившегося уже никто из супраменталов не говорил о победе...

Карлос прибегал к оружию лишь в самых крайних случаях. Он считал его использование признаком слабости. Обычно ему удавалось обойтись без кровопролития.

Но в этот раз — вряд ли.

Карлос чувл, что близится встреча со старым заклятым врагом. Он давно уразумел: все личное должно быть отброшено. И если люди — только несовершенные инструменты, то относиться к ним всерьез так же глупо, как обожествлять скальпель хирурга или ненавидеть топор палача.

Но супера Z-4 нельзя было не воспринимать всерьез. Он казался вполне **СОВЕРШЕННЫМ** инструментом дьявола. Только Z-4 мог наводить на людей такой ужас, даже не входя в визуальный контакт. (Правда, были еще супера из первой тройки — например, Z-1 или Дракон, который вообще не оставлял свидетелей. Однако Обитель пока не обладала тем, что позволило бы ей бороться еще и с мифами. Она еще не сделалась **ЦЕРКОВЬЮ** большинства, легендой утраченного света.)

Локи получил невразумительное обозначение в составленном агентами Братства реестре самых опасных суперанималов. Самые опасных и, соответственно, подлежащих уничтожению. Для категории «Z» термины «обращение» и «спасение»

не применялись вообще.

И хотя код Локи имел номер «четыре», Карлос ни минуты не сомневался в том, кому из хищников принадлежит мрачное первенство. Z-4 укрепил свой статус после многочисленных дуэлей. Даже суперанималы признавали его превосходство, а суггесторы избегали встреч с ним.

Но не Карлос. У него были свои мотивы.

Как, если не личным врагом, назвать человека-зверя, сожравшего у тебя на глазах кусок твоей плоти, оставившего шрамы на твоём теле и пару свинцовых бляшек внутри? Старые раны все еще ныли к перемене погоды, перед снежными бурями, напоминая о том, что где-то безнаказанно бродит непобежденное зло, что жертвы лежат во льду неотомщенными, что тело — предатель обетов и клятв — изнашивается и теряет силу, что времени всегда не хватает и надо успеть закончить главное дело жизни — избавить людей от (проклятия, ходячей чумы) Z-4.

Между прочим, Карлос не остался в долгу, расписавшись стальным пером на шкуре супера. К сожалению, «росчерк» получился недостаточно глубоким. И в отличие от многих других «клиентов» Карлоса Локи выжил, а раны на его теле затянулись бесследно. Значит, и память была коротка, и пытка давно прекратилась...

С тех пор прошло шесть лет. Божественный

Светильник постарел, а Z-4 достиг своего расцвета. И продолжал отправлять людоедские мессы.

12 Он входит

Дегро напали на группу разведчиков, как только те попытались выйти из Пещеры. Собственно говоря, Локи не интересовали разведчики; его интересовала огневая мощь и степень организованности оставшихся в укрытии митов. Поэтому он послал тварей вперед, не дожидаясь, пока закроются ворота.

У людей появился шанс отступить, которым они не преминули воспользоваться. Похоже, тому, кто ими руководил, даже в голову не приходило, что дегро могут быть всего лишь живыми пробными мишенями.

Локи расположился в полусотне шагов от входа в Пещеру, который отыскал по нескольким признакам, включая специфические запахи. Он сидел в засыпанном снегом подвале и наблюдал за происходящим через узкую щель на уровне льда. Увидел он оттуда мало что, зато услышал достаточно.

Сначала вопли, предупреждающие о вторжении, затем рев дегро. Отрывистый рык собаки или волка, чей-то жалобный стон. Истошно

заорали детеныши, перекрывая женский визг...

Но вот, наконец, нечто существенное: хлопок одиночного выстрела, вслед за которым рев сменился криком. Локи презрительно скривил губы — сработал однозарядный самострел, начиненный картечью. Значит, еще одна шкурка испорчена...

Утыканный гвоздями и обезумевший от боли дегро метался по Пещере, круша все вокруг, пока мужчины не проткнули его кольями. Другой продержался чуть дольше. Локи прислушивался к его рычанию, то затихавшему, то раздававшемуся снова. Кто-то выстрелил шесть раз из вульгарной и наверняка безымянной мелкокалиберной хлопушки, но так и не попал твари в глаз. Пульки, засевшие под кожей, только разъярили дегро. Он успел покалечить парочку митов, прежде чем его мозг был пронзен стальным стержнем, выпущенным из арбалета и пробившим черепную кость.

Во внезапно наступившей тишине Локи отсчитывал секунды, чтобы с максимальным эффектом обставить свое появление. Самострел и шестизарядный револьвер — негусто для такой большой колонии. Совсем негусто. Это радует. Если только они не прибегают что-нибудь посолиднее на крайний случай. Локи имел все основания считать себя этим самым «крайним случаем». С другой стороны, за минувшие годы миты могли истратить все запасы патронов на тех

же дегро, а ведь были еще собачки, волки, белые медведи, банды суггесторов и... суперанималы. Жрать хотелось всем.

Локи выбрался из подвала и пошел к открытому входу в Пещеру, вверив себя охраняющей силе. У него не осталось сомнений, да и рассуждать он считал излишним, когда начинал действовать. Тормозящая пелена мыслей не должна повисать между намерением и движением, иначе движение получается медленным.

Иногда убийственно медленным.

* * *

...Через восемь секунд он уже оказался внутри, выхватил из кобуры Громобоя и застрелил мита, направившего в его сторону взведенный арбалет, но пощадил того, который не успел натянуть тетиву.

Под каменными сводами Пещеры Громобой рывкнул оглушительно. Пуля отшвырнула человека к стене, по которой он сполз с дырой в груди размером с монету. Сзади дыра была гораздо больше, и за ним оставался широкий коричневый след...

Локи водил стволом в поисках других стрелков. Его глаза мгновенно оценивали обстановку и все, что имело отношение к

опасности. Арбалеты — так себе; сделаны из подручных материалов. Механизм взводится слишком долго, что и было доказано несколько мгновений назад. Огнестрельного оружия не видно — по крайней мере у стоящих спереди. Укрытие огромно; отдаленные части теряются во мраке. На общем костре готовится пища... В поле зрения как минимум десять детенышей; из них двое грудных на руках у матерей... Возле трупов дегро остался лежать издыхающий белый пес. Над ним склонилась, рыдая, девочка-подросток. Впрочем, она уже достигла детородного возраста... Укрытие разделено на (загоны) комнаты; где-то еще могут прятаться арбалетчики. Но Локи уповал на свою феноменальную реакцию и способность обнаруживать угрозу задолго до ее проявления.

В целом все выглядело неплохо. Лучше, чем он ожидал, — особенно по сравнению с теми фермами, на которых ему приходилось бывать раньше. Он не претендовал на чужое стадо. Ему всегда хотелось начать с нуля.

Среди пялившихся на него людишек он заметил парочку потенциальных суггесторов. И еще, конечно, он заметил ЕЕ.

Его появление и мгновенная расправа с арбалетчиком вызвали настоящий шок. Даже дети заткнулись, будто черная лапа зажала им рты. Миты просто не знали, что делать, как вести себя в

присутствии этого призрака, явившегося прямо из смертоносных белых просторов, где, казалось, не может выжить никто и ничто. Но он выжил и даже хотел большего. Он не был тупым дедро, а в руке держал веский аргумент в пользу своей особой точки зрения. Все, что им оставалось, это выслушать его.

Однако незнакомец молчал. В густой черной бороде, покрытой инеем, блестела хищная улыбка, а ледяные глаза напоминали еще пару стволов, которые стреляли парализующим волю взглядом. Скользнув несколько раз по живой стене, этот взгляд безошибочно выбрал Роя и остановился на нем.

Локи вычислил здешнего доминанта. Парень не тянул на стопроцентного супраментала, однако что-то в местном вожаке все-таки было. Локи не видел смысла поступать с ним так же, как с дедро. Выпусти ему кишки — и ненависть остальных зачеркнет все старания приручить это стадо. Зачем суперу быть неумелым хозяином, каждый день опасаящимся удара в спину, когда существовали десятки более привлекательных вариантов. (Локи приходилось встречать рабов, слепо преданных своим владельцам и даже готовых ради них на самопожертвование. Проблема заключалась лишь в правильном манипулировании.)

— Ты! — сказал Рою чужак. — Я предлагаю

тебе сыграть в одну старую игру. Победитель забирает все.

Едва он произнес это, как в глубине Пещеры громко закричал Кеша.

13

Вопросы и ответы

Рой понимал, что в схватке с пришельцем у него нет ни малейшего шанса. Тот обладал сверхъестественной быстротой и силой зверя, сочетавшимися с острой наблюдательностью и не менее острым умом. Рассчитывать на то, что чужак подпустит кого-нибудь на расстояние удара, просто смешно — он уложил Ярослава за долю секунды, едва шевельнув пальцем. Хитрость? Вряд ли удастся заманить в ловушку того, кто сам был специалистом в таких делах, а кроме всего прочего, сумел добраться сюда и, по-видимому, контролировал дегро. (Только ли дегро?)

Значит, все — конец?

«Ты, кажется, жаждал перемен, несчастный дурак? Получи сполна! Понравится ли тебе быть холуем этого супера? А что ты сделаешь, когда он захочет взять Лили? Подползешь на брюхе и укусишь его за ногу? Дашь прострелить себе башку или будешь безропотно наблюдать? Станешь трепыхаться на его ноже?..»

Как глупо все вышло. Как легко враг проник в Пещеру! Они потеряли бдительность, считая, что город безнадежно далек от прочих обитаемых мест. Но ведь был же «первый звонок», никем не понятое предупреждение — тот бродяга-суггестор, который когда-то остановился у них, затем ушел один и которого они считали погибшим. А бродяга-то выжил. Выжил и, конечно, не стал держать язык за зубами...

Они оказались слишком доверчивыми и теперь поплатятся за это. Расплата может последовать спустя годы — Рой еще раз убедился, что так оно и есть. Грув испытал это на себе — только почему братья наши меньшие обречены всегда платить за нас?

Пес бросился на дегро, защищая людей, и получил страшный удар когтистой лапой, разодравшей ему весь правый бок. Теперь в ране тяжело пульсировали внутренности, а обнажившиеся ребра даже в полумраке резали глаз своей болезненной белизной.

Грув, дружище... Рой хотел побыть с ним в его последние минуты — прижать к себе, облегчить боль, утешить, — но надо было стоять против чужака, не отводя взгляда и сдерживая слезы из последних сил. И что-то еще говорить.

— Какая, на хрен, игра? — сказал Рой. — Наши люди ранены...

— Хватит болтать, — оборвал его Локи. — Игра очень проста. Надо правильно отвечать на мои вопросы. Вопрос первый: кто здесь главный?

Рою было не так уж сложно ответить. В числе его грехов гордыня не значилась. Он готов был снести почти любое унижение. Особенно если на карту поставлены человеческие жизни.

— Ты, — ответил мэр. БЫВШИЙ мэр.

— Правильно.

Взгляд Локи вдруг переместился на детей, испуганно сбившихся в плотную кучку возле костра. Среди них не было только грудных. И Кеши.

— Вопрос второй: все здоровы?

У Роя похолодело в животе. Он растерялся. Некоторые вещи до сих пор не укладывались в его голове, хотя он повидал многое на своем веку и был свидетелем чудовищных извращений.

— Да, — ответил он после слишком долгой паузы.

— Так не бывает, не обманывай, — мягко упрекнул Локи. — Ты заработал штрафное очко. Когда закончится мясо, я выберу самого хилого. А теперь...

Локи казалось, что в его действиях нет противоречия. Убить вожака — это одно, а избавиться от нежизнеспособного потомства — совсем другое. Разве хищники во все времена не

поступали так же, защищая свой род от вырождения? Супер считал, что даже миты должны это понимать. А если не понимают, он объяснит.

Взгляд Локи остановился на Барбаре. Он сразу же выделил эту высокую светловолосую женщину из всех. Он обнаружил ее сходство с собой — не столько по запаху, сколько улавливая специфическое излучение. Он разглядел в ней особые задатки. На первый взгляд, она идеально подходила для вынашивания суперанималов. Суггестор или даже переходный тип. Редкая удача. Локи пока был далек от мысли, что случайно нашел Королеву, но чем черт не шутит! Сказать точнее он сможет тогда, когда познакомится с нею поближе. Хотя зачем откладывать такой важный момент?

— Ты пойдешь со мной, — властно сказал он и ткнул в нее пальцем.

На какое-то время повисла пауза. Только ребенок по-прежнему разрывался в отдалении, и некому было его успокоить.

Первым заговорил Лео:

— Мы не отдаем чужим наших женщин.

— Может, и так, старый дурак, — сказал Локи, не повышая голоса. — Да только я сам беру ее с собой.

Рой выступил вперед, но едва он открыл рот, как Локи приложил палец к губам, а потом оскалил зубы:

— Тс-с-с!.. Думай. Думай! Не говори ничего такого, за что мне придется убить тебя.

В толпе митов нарастал возмущенный ропот. Но накал страстей еще не достиг того уровня, после которого Локи преподаст им урок послушания.

Вдруг в разговор влезла Барби. Ее голос звучал звонко и почти весело:

— Эй! Не надо никого убивать. Я согласна.

Кто-то выкрикнул сзади: «Поганая шлюха!» Барби выпрямилась с независимым видом, потрянула светлой гривой. Сейчас она была прекрасна.

Лицо Роя исказила гримаса боли. Он произнес очень тихо:

— Не делай этого, Барби.

Она только усмехнулась в ответ и подошла к Локи. Вильнула бедрами, откровенно предлагая себя. Потерлась сосками о его живот. Он ощутил их твердость, несмотря на два слоя ткани... Затем Барби повернулась лицом к людям.

— Да что с вами такое? Он мне нравится. Классный парень, всегда о таком мечтала. Кроме того, он только что сделал мне предложение. Вы все слышали. — Она хитро взглянула на Локи. — Теперь тебе не отвертеться, красавчик! У меня куча свидетелей.

— Не шути, Барби, — продолжал увещевать ее Рой, уже понимая, что все бесполезно.

Маленькое, прежде сплоченное сообщество

Пещеры рассыпалось на глазах. И виной тому — пришелец. Рой отдавал должное силе его влияния и способности разрушать.

— Не делай глупостей, — сказал он в пустоту.

— Ха! А кто запретит мне пойти с ним? Не вы ли, господин мэр? — В каждом ее слове звучал едкий сарказм. — Разве у нас уже нет свободной любви? Что-то я не читала указа об отмене... Очнитесь, вы! — Теперь она почти кричала. — В кои-то веки появился крутой мужик, который может защитить вас всех, достать жратву, отвести туда, где еще...

Дальше Рой не слушал. Вот этого он и боялся. Того, что искушение быть послушной сытой скотиной в стойле окажется сильнее долготерпения. Искушение будет подпитываться лишениями и горем — и в конце концов станет непреодолимым.

Однако в поведении Барби он улавливал браваду, игру, заметную только тому, кто хорошо ее знал. Но во что она играла? На чьей стороне? Если это попытка спасти их, принося себя в жертву, то она выбрала неудачный момент. Благородство — красивая поза, но, скорее всего, оно окажется бесполезным. Так же бессмысленно изображать геройство... Впрочем, он всегда понимал, что она способна как на самое худшее, так и на самое лучшее. Если, конечно, представится случай. От грешницы до святой один шаг в обоих

направлениях.

И когда супер ушел с Барбарой, Рой почувствовал себя обломком кирпича.

Одним среди многих.

Куском разрушенной стены.

14

Подарок хозяину

Когда Наката услышал хриплый низкий голос чужака и понял смысл произнесенной им фразы, все его существо радостно затрепетало. Наконец-то явился тот, кто понимает толк в играх, кто способен разделить его страсть и даже научить кое-чему новому! Он узнал Тень, проникшую в его мозг и обещавшую ему нечто — какую-то новую перспективу (ВЛАСТЬ — назовем вещи своими именами!).

Студент сам поразился охватившему его парадоксальному воодушевлению. Он не увидел в незнакомце конкурента. Для него тот был почти богом, а с богом нельзя конкурировать. И в любом случае лучше играть за сильную команду. Пришествие супера мгновенно изменило все. В сузившемся мире Накаты это стало событием поистине грандиозного масштаба. Это был переворот. Революция. Установление долгожданной тирании. Дело Джугашвили жило в

потомках.

И разве плохо быть наместником бога в Пещере? Пожалуй, это даже лучше, чем самому отвечать за все. В общем, Студент безоговорочно принял нового хозяина, впустил его в себя и теперь принадлежал ему душой и телом, кожей и кровью, потрохами и сердцем.

Но мессию надо достойно встретить — это прямая и приятная обязанность будущего наместника. Поднести, если возможно, богатые дары; заверить в своей абсолютной преданности.

Студент лихорадочно размышлял, что можно считать наилучшим подарком. Ключи от осажденного города? Но завоеватель и так УЖЕ ЗДЕСЬ. Тайны? Какие, к чертовой матери, тайны?! Сведения о заговоре? Для этого еще не наступило время и, даст бог, не наступит. Разве что подставить мэра?..

Вдруг Накату осенило: книга и цветок! Если он лишит людишек этих смехотворных символов прошлого (и заодно иллюзий относительно будущего!), то они превратятся в покорное и легко управляемое стадо. Неужели хозяин не оценит должным образом его стараний?

В том-то и дело. Студент не был уверен, что пришелец вообще поймет, как много значат книга и цветок (вряд ли он даже умеет читать — зачем это богу, расписывающемуся чужой кровью?). А раз не

поймет, то сочтет Накату дешевым подхалимом. И Студент просто не успеет щегольнуть своим уникальным набором игр. Жаль, если хозяин не почувствует вовремя, с кем имеет дело. Наката знал, что может принести много пользы...

Голова шла кругом от сомнений. Приближалась «точка невозвращения», после прохождения которой надо определяться, на чьей он стороне, — и пути назад уже не будет. Риск велик. Столь многое он ставит на карту, не зная о хозяине почти ничего, если не считать невнятных потусторонних намеков. Ошибка обойдется дорого. Собственно говоря, проиграть равносильно гибели.

Студент не ожидал, что в решающую минуту его охватит предательская слабость, а связных мыслей не останется вообще. Он чувствовал себя как девственник, который в первый раз дрожащими руками снимает с девушки кофточку и от волнения ощущает безнадежную вялость между ног...

Студент последним выбежал из своей каморки, когда напали дегро. Он и потом держался в сторонке — до тех пор, пока Локи не убрался, прихватив с собой Барбару. Роскошная добыча. Это обстоятельство устранило колебания Накаты. Хозяин прибрал к рукам объект его вожделения, и теперь Барби будет принадлежать только им двоим. С богом надо делиться самым дорогим и время от времени приносить ему жертвы. Зато как удобно

жить в его тени — пока ты сам не стал жертвой.

Студент не верил, что высшее существо может серьезно отнестись к самке, пусть даже и красивой. Наиграется с нею и отдаст Накате... Эротические фантазии, тесно переплетавшиеся в его мозгу с жаждой власти, могут воплотиться в реальность гораздо раньше, чем в самых радужных планах. Во всяком случае, так казалось Студенту, и никто не поручился бы за адекватность его выводов.

Хорошо, что он еще не вернул книгу Лео! А Лео было сейчас не до книги. Он возился с ранеными, потому что имел чуть более ясное представление о медицине, чем все остальные обитатели Пещеры. Отсутствие лекарств делало его попытки облегчить боль чисто символическими. Он помогал душе, а не телу. Каждому, кто пострадал в схватке с дегро, оставалось уповать на защитные силы своего организма и на капризную Божью волю.

Лили тоже крутилась рядом, приносила подогретую воду, промывала раны и восполняла недостаток опыта избытком подлинного сочувствия и доброты.

Четверо мужчин отправились наружу с печальной миссией — им предстояло вырубить во льду могилу для Ярослава. Тяжелая, многочасовая работа...